

ЧАС
ИСТОРИИ

ЮЛИЯ ШИЛОВА

НИКОГДА
НЕ БЫВШАЯ
ТВОЕЙ

Юлия Витальевна Шилова

Никогда не бывшая твоей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142656

Шилова Ю.В. *Никогда не бывшая твоей*: роман: Астрель, АСТ, Рипол

Классик; Москва; 2004

ISBN 5-17-013432-0, 5-271-07764-0, 5-7905-2344-7

Аннотация

Из машины выскочили двое мужчин, одетых в черные маски, я вскрикнула и хотела было броситься к дому, но не успела. Они скрутили мне руки, сунули в рот кляп, затащили в машину и положили прямо на пол между передними и задними сиденьями и придавили меня ногами. От охватившего меня ужаса я закрыла глаза... Машина взревела, как зверь, и понесла меня в неизвестность.

Содержание

Письмо-посвящение	4
Пролог	8
Глава 1	18
Глава 2	32
Глава 3	49
Глава 4	68
Глава 5	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Юлия Шилова

Никогда не бывшая твоей

Письмо-посвящение

Милый друг, эта книга – для тебя

Спасибо тебе за то, что ты никогда во мне не сомневался, даже если я начинала сомневаться в себе сама... За то, что ты всегда знал, что есть выход, даже тогда, когда я считала, что выхода уже нет... Ты всегда считал меня сумасшедшей и прощал мне все мои сумасбродства, постоянно напоминая о том, что творческим людям можно прощать все... Я начала творить и меня это по-настоящему увлекло... Ты разглядел во мне искру таланта и помог разгореться пламени. Благодаря тебе я поверила в свои силы. Знаешь, у меня было две жизни... Одна жизнь до того, как я стала творить, а другая после. Мне кажется, что раньше я была просто мертва. Это была не я. Я ожила только во второй жизни. Наверное это произошло потому, что я обрела душевный покой и зажила в гармонии с собой. А это и есть счастье... Я всегда разрушала все, к чему прикасалась, а теперь я начала созидать. И этому научил меня ты. Больше я ничего не разрушаю, потому что

я разрушила все, что только могла и сожгла за собой все мосты. Теперь... у меня совсем другие желания, и я учусь строить. Знаешь, человеку, который всю жизнь разрушал, очень тяжело научиться строить. Но я научилась, и я знаю, что у меня все получится. Я в этом просто уверена, потому что за мною, со стороны, всегда наблюдаешь ты, а это значит, я не имею права на то, чтобы у меня что-то не получилось. Я наделала слишком много ошибок, но с тех пор, как узнала тебя, я поняла, что больше не имею права на ошибки. Мои бывшие мужчины ревновали меня к тому, что я делала, и чем лучше у меня получалось, тем больше они ненавидели меня. Наверное это происходило потому, что мое дело было для меня намного важнее моих мужчин... С тобой же было все наоборот. Чем больших результатов я добивалась, тем больше ты радовался. Тем больше и больше меня ценил. Может потому, что ты никогда не был моим мужчиной? Впрочем, какое это имеет значение...

Вот уже несколько лет как я пишу. И теперь понимаю, почему обо мне никогда не говорят средненько. Меня либо любят, либо ненавидят. Это значит, что мои книги трогают людей, привлекают к себе внимание. Никто не остается равнодушным. И ненависть, и любовь я спровоцировала сама: хотела, чтобы меня слышали, чтобы меня узнали, поняли. Потому, что я есть... и мне есть, что сказать. Ты, как никто другой, знаешь – с тех пор, как я стала писать, я воспринимаю мир по-иному, моя жизнь сама превратилась в ро-

ман. Путь мой довольно тернист, приходится бороться, падать, вставать, снова бороться и идти вперед. Милый друг, я хочу тебе выразить сердечную признательность за то, что ты есть, за то, что ни разу во мне не усомнился. Нам никогда не быть рядом – обстоятельства непреодолимой силы. Я никогда не разбужу тебя посреди ночи, чтобы прочесть тебе страницы моей новой книги, и ты с гордостью не поцелуешь меня в щеку и не скажешь, что я молодец. На страницах моей собственной судьбы мы никогда не будем по-настоящему близки и не обретем тот рай, что затерялся где-то в главах моего еще не дописанного романа. Нам не жить бок о бок счастливой совместной жизнью, не встретить старость и не умереть в один день. Нам не растить детей и не радоваться появлению внуков. Тебе никогда не увидеть моих слез, а мне не ощутить твоих переживаний, которые ты, как и положено настоящему мужчине, держишь в себе и никогда не выплеснешь наружу. У каждого из нас есть что-то свое и никогда не будет ничего общего. Ты не мой, а я не твоя... И я навсегда останусь для тебя той загадочной, недоступной женщиной, с которой совершенно случайно свела тебя судьба. За все, за все благодарю тебя. Да хранит тебя Бог.

Никогда не бывшая твоей Юлия Шилова

Молодость кончилась. Я обнаружила, что средний возраст – не вопрос прожитых лет. Это тот момент в жизни, когда понимаешь, что в результате длинного ряда почти

незаметных превращений смутные, нереальные мечтания юности ты обменяла на ясную, осязаемую и окончательную реальность. В середине жизни приходишь к ужасному выводу, что все огорчения, страдания, страстные сожаления и утраты, все горькие разочарования – все это дело твоих собственных рук. Жизнь проще, чем вы думаете. Нужно всего лишь принять невозможное, обходиться без необходимого и выносить невыносимое. К тому же стоимость жизни постоянно растет, но спрос на нее не падает. А что касается моей личной жизни, то в ней конечно же были мужчины... Мужчины... С которыми я бы могла провести целую вечность... Вечность... Но не жизнь...

Кэтлин Норрис, американская писательница

Пролог

Встав у берега пруда, я обратила внимание на то, что сегодня не подплывают лебеди. Странно, обычно они подплывают сразу, как только я подхожу к пруду. В последнее время происходит слишком много странных вещей. Слишком много. Я смотрела на мирно спящих лебедей и думала, что в этом доме со мной прекратили общение даже лебеди... А ведь еще недавно, увидев меня, они тут же плыли к берегу и, расталкивая друг друга, подставляли свои изящные шеи, чтобы я их погладила.

Много лет назад, когда я была совсем юной девчонкой, я любила приходиться к большому поселковому пруду, в котором плавали лебеди, и любовалась их красотой. Мне нравились их изящные шеи, их умные глаза и их... лебединая верность. Влюбленный в меня мальчишка, мечтавший покорить мое юное сердце, сидел в лодку и направлял лебедей в мою сторону. Я смотрела на его уверенные движения и чувствовала, как к моему сердцу подбирается первая юношеская любовь. Я безумно любила этот пруд, этих лебедей и этого отчаянного мальчишку. Господи, какая же я тогда была счастливая. Какая счастливая! Теперь от этого счастья остался только пруд с лебедями, но не тот, поселковый, а мой собственный... Где-то там, в глубине моей памяти, остался мальчишка, такой дерзкий, решительный и безумно влюб-

ленный. Конечно же этот мальчишка уже давно стал мужчиной, женат, имеет детей и вряд ли вспоминает о моем существовании. Хотя, может быть, иногда... Когда приезжает в поселок и приводит своих детей к нашему пруду. Я не была в поселке черт знает сколько времени. Наверное целую вечность... И все же если пруд еще жив и в нем по-прежнему есть лебеди, может быть, он смотрит, как его дети садятся в лодку, чтобы погнать лебедей к берегу и... вспоминает меня, худенькую девочку с тоненькими, жидкими косичками, одетую в старенькое платье, которое отдали мне родители выросшей соседской девочки, и обутую в какие-то немислимые чужие туфли. А может быть, он даже спросит у наших поселковых, как сложилась моя судьба. Наверное ему сказали, что я уже давно живу в Москве и стараюсь не вспоминать свой поселок. Разве вот только пруд с лебедями... Что из неряшливой, провинциальной девчонки я превратилась в ЛЕДИ, холодную, прагматичную и до неприличия расчетливую. Еще наверное сказали, что я зазналась, что ни с кем не общаюсь, никого не жду в гости... ПОТОМУ, ЧТО Я ВЫРВАЛАСЬ... Я СМОГЛА... А они остались там, привыкли так жить и никогда не понимали выскочек.

Теперь я живу, как хочу, и у меня есть деньги. Я замужем за богатым человеком. Все так просто и так банально, но только не дай бог кому-нибудь повторить мою судьбу. Не дай Бог. Уж слишком дорого обошлась мне моя благополучная жизнь. Слишком дорого. Я никогда не предполагала, что

благополучие стоит так дорого, намного дороже, чем мы думаем.

Когда мой муж спросил у меня, что я хочу получить на свой день рождения, я безразлично пожала плечами. Чем можно удивить женщину, которая не умеет удивляться?! Последняя модель мобильного, последняя марка машины, вечернее платье из последней коллекции? У меня все есть. Хотя нет, не все... У меня не было пруда с лебедями, того самого, из детства. Муж очень удивился, рассмеялся и как-то нелепо пошутил, что в следующий раз я могу захотеть искусственное море с настоящими дельфинами. Но я не поддержала его смех, потому что искусственное море мне было совершенно ни к чему. Я хотела только пруд. Настоящий пруд с настоящими лебедями. Муж выполнил мое желание. Я стала обладательницей собственного пруда. Он смог подарить мне пруд, но никогда не смог бы взять лодку и погнать лебедей в мою сторону, потому что... Много почему... У него костюм от Кардена, часы Ролекс, стрижка за сто долларов и чересчур дорогой парфюм. Его ботинки стоят бешенных денег, а носки он покупает только в определенном магазине в центре Москвы. Его ощущение сытости никогда не позволит ему сделать какой-то легкомысленный, просто эмоциональный шаг. Такой никогда не запрыгнет в лодку, боясь замочить свои дорогие брюки. У него слишком много условностей, которые он соблюдает с завидной пунктуальностью.

Вчера он выговаривал мне за то, что я, сославшись на го-

ловную боль, не поехала с ним на очередной фуршет. Мол, он бродил по залу, как неприкаянный. На фуршетах и других светских вечеринках не принято появляться в одиночестве. Окружающие могут тебя не понять. Муж... Когда я думаю о муже, я начинаю плохо себя чувствовать...

В последнее время у меня постоянное ощущение потерянности. Я долго стремилась к такой жизни, которая у меня сейчас. Очень долго... Вот эта жизнь пришла. Все, кульминация. Занавес опущен, аплодисменты... Только нет счастья, нет радости. Внутри необъяснимо пусто. Цель достигнута, что же дальше?

Не знаю, смогу ли я до конца признаться сама себе в том, что все мои беды – из-за денег. Иногда мне кажется, что эти беды связаны с моим мужем, вернее, с тем, что у моего мужа есть деньги. Причем не просто деньги, а очень большие деньги. Конечно, они очень многое дают, но одновременно очень многое отнимают... Когда они есть, их хочется иметь все больше и больше, например, как в случае с моим мужем. Остановиться он уже не может. Говорят, что нельзя быть слишком богатым. Особенно в России. Это опасно, это публично осуждают: наше общество небогато.

Сначала деньги для мужа были символом благополучия, средством осуществления его желаний. Потом, если не с каждым часом, то уж точно с каждым днем, они становились самоцелью, а затем и просто болезнью. Тяжелой, совершенно неизлечимой.

Иногда я закрываю глаза и вспоминаю, как я заполучила своего мужа. Благодаря моему актерскому мастерству, которое я постоянно оттачивала на мужчинах, все произошло очень даже удачно. Я разыгрывала из себя женщину, совершенно безразличную к мужскому карману и красноречиво рассуждала о том, что самое важное качество мужчины – это добрая душа. «С милым рай и в шалаше», – говорили мои лживые глаза, имитирующие невинность. И он поверил... Он никогда не утрачивал бдительность, а тут утратил. Он и в самом деле поверил, что я обыкновенная влюбленная дурочка и не держу за пазухой камня, который может полететь в его сторону. Когда мы поженились, я была уверена, что я для него – самое главное, но я ошиблась. Самым главным для него оказались деньги, а я так... обыкновенным предметом, украшающим интерьер его дома. Я искусно расставила ловушку и... поймала в нее самого настоящего зверя. Хуже того, я попала в эту ловушку сама.

Тяжело вздохнув, я еще раз взглянула на пруд и направилась в дом. Не задумываясь, налила себе порцию виски и вдруг заметила неодобрительный взгляд домработницы.

– Больше не могу, – проговорила я.

– Анжелочка, не рановато ли?! – Домработница укоризненно покачала головой. – А вдруг Яков Владимирович сейчас вернется? Ему это не понравится. Будет скандал.

Я не хотела ничего слушать. Быстро выпила и тихо повторила:

– Я больше не могу...

Обняв бутылку виски, я направилась к выходу. Остановившись у дверей, я резко обернулась и закричала, что было сил:

– Я больше не могу!!! Понимаете, я больше не могу!!! Вера Анисимовна, вы хоть что-нибудь понимаете?!!

– Понимаю, – растерянно произнесла женщина.

– Я больше не могу!!! Не могу!!! – Глаза мои были полны слез.

Выбежав из дома, я остановилась у пруда, жадно отпила виски прямо из горла и, увидев, что лебеди просыпаются, замахала руками.

– Я больше так не могу... Вы-то хоть меня понимаете?! Вы-то хоть можете понять, что я больше так не могу?! – кричала я. Голос мой был каким-то чужим, полным душевной боли.

Появилась испуганная домработница, которая нерешительно попыталась отобрать у меня бутылку виски.

– Анжелочка, я вас прекрасно понимаю... Но все же отдайте бутылку.

– Не отдам.

– Придет Яков Владимирович и вам от него достанется.

– Я не боюсь Якова Владимировича. Я его не боюсь! Пошел он к черту, этот Яков Владимирович! Вера Анисимова, шли бы вы ужин готовить...

– Я уже сготовила.

– Тогда вытрите хорошенько пыль.

Женщина перестала вырывать у меня бутылку, но в дом не шла.

– Я же русским языком сказала, шли бы вы в дом.

– Просто я за вас переживаю...

– Не надо за меня переживать! Не надо. Вы бы лучше переживали за себя. А я уже большая, разберусь как-нибудь сама.

Расстроенная Вера Анисимовна опустила голову и поплелась в дом. Я посмотрела ей в след и, потеряв самообладание, крикнула:

– Только не надо делать вид, что я вас очень сильно обидела! Просто каждый должен заниматься своим делом! Вы занимаетесь своим, а я своим!!! Кто-то убирает дом, а кто-то пьет виски и поит им лебедей! Можно подумать, что я просто бешусь с жиру, что я зажралась! Но вы-то, Вера Анисимовна, понимаете, что я не зажралась?! Вы-то должны это понимать! Я просто больше так не могу! Не могу!!!

– Родные мои, – поманила я проснувшихся лебедей, – кто из вас хочет пить?! Кто?! Вы только посмотрите какое у меня виски! Вы только посмотрите, – размахивала я бутылкой.

Но лебеди, обнюхав бутылку, не выразили желания попробовать ее содержимое. Наверное они ждали от меня чего-то вкусенького, чего-то существенного. Сделав внушительный глоток, я поставила бутылку на землю. Все лебеди были белые и только один – черный. Яков сказал, что купил

его ради экзотики. Я внимательно посмотрела на черного лебедя и подумала, что он очень похож на Якова. Такие же холодные, злые глаза. Такая же безграничная властность. Вот он так же расталкивает всех. Для него не важны чувства и интересы других, он видит и слышит только себя. Его желания, его прихоти превыше всего. Я вспомнила, как недавно болела ангиной. Было страшно тяжело. Из последних сил я боролась с паническим страхом смерти. Муж зашел ко мне и сел на краешек кровати. Я попросила, чтобы он взял мои руки в свои и с ужасом почувствовала, что его руки больше не могут меня согреть. Его руки были слишком чужие, слишком безразличные. Холодные. Холодными были не только руки, холодными были его глаза, холодной была и его душа. Мне хотелось, чтобы он взял мое хрупкое тело, прижал к себе, собою заслонил меня от болезни, как когда-то заслонил меня от всех трудностей. Но я столкнулась с пустотой. С холодной, раздирающей пустотой. Он не видел во мне прежнюю красавицу с породистой внешностью, у которой томные глаза и прекрасные чувственные губы. Наверное любые, даже самые сильные чувства погибают, если их не поддерживать. Нужны причуды и тайны, существующие только для двоих... Сильные чувства не любят демонстрации. С моим мужем было все по-другому. Он любил демонстрировать чувства на публике и забывал про эти самые чувства, когда мы оставались один на один.

Наверное моя первая ошибка, которую я допустила в бра-

ке, была в том, что я полностью посвятила себя мужу. Я сносила все его домашние капризы, его постоянные жалобы на усталость, никогда не устраивала сцен, молча терпела боль и обиды, которые он мне наносил. Я всегда оставалась в тени близкого человека, а на это способен не каждый. Говорят, что для этого требуются особые чувства. Особые... Как страшно, что и от этих чувств ничего не осталось. Уже ничто не может спасти наш брак. Ни то, что на мне домашний халат от Армани, ни то, что мой шкаф забит одеждой от Версачи. Материальные блага... Без любви все это теряет смысл. Бессмысленная жизнь ужасна. Она невыносима. Я смотрю на черного лебедя, так похожего на моего мужа, холодным и равнодушным взглядом. Он пристально смотрит мне в глаза и от этого взгляда на меня нападает удушье, страшное, парализующее удушье.

– Я больше так не могу, – говорю я и хватаю черного лебедя за точеную шею. У моего мужа шея намного толще, намного... Сдавлив шею двумя руками, я чувствую, как лебедь пытается вырваться, но я не ослабляю хватку. Сдавливаю еще сильнее, слышу какой-то неприятный хруст и только тут до меня доходит, что я убила ни в чем неповинную птицу. Я убила... Хладнокровно, не задумываясь ни минуты. Сколько раз я мечтала сделать это со своим мужем. Сколько раз!

Другие лебеди в панике бросились прочь от берега, но я ведь совсем не хотела причинить им хоть какой-нибудь вред. Они совсем не были похожи на моего мужа.

– Анжела, ты что натворила?!

Я обернулась. Яков стоял рядом со мной и смотрел то на меня, то на стоящую на берегу пруда бутылку виски, то на мертвого лебедя.

– Ты что натворила?! – в бешенстве закричал он и вытер выступивший на лбу пот.

Но я не слышала вопрос мужа и уж тем более не могла найти на него ответ. Я опустила глаза и произнесла только одну единственную фразу:

– Я больше так не могу...

Глава 1

Признаться честно, я никогда не сомневалась в своей внешней привлекательности и всегда верила в то, что обязательно добьюсь славы, богатства и встречу своего чудесного принца, который обязательно оценит меня по достоинству и подарит мне прекрасную жизнь. Но как только я ступила на перрон такого большого и шумного города, как Москва, от моих смелых мыслей не осталось даже следа. С чем я прибыла в столицу? Яркая внешность, хороший голос и скромная сумма денег, собранная родственниками, чтобы я продержалась в Москве первое время. Слишком мало, даже ничтожно мало для того, чтобы я смогла заполучить ту жизнь, которую я хочу. Нужно иметь, что-то еще... Но вот что?! Я уже давно жила под девизом «Все и любой ценой», но этот девиз перестал действовать сразу, как только я попала в столицу нашей Родины, город-герой Москву.

Я посмотрела на грязный шумный вокзал и нервно перевела дыхание. Где-то там, далеко, осталась уютная мамина квартира, мамины пироги и знакомая серая, повседневная жизнь. В той жизни было по-своему тепло, по-своему спокойно и по-своему беззаботно, но только от этой беззаботности, серости и убогости я начала плохо себя чувствовать в последнее время и бредить совершенно другой жизнью, которая вразрез расходилась с моей прошлой.

Явившись к знакомым, которые некогда проживали в нашем поселке, я встретила с крайним недовольством по поводу моего внезапного приезда. Я пообещала долго не стеснять их, действительно, почти сразу сняла комнату в коммунальной квартире на самой окраине. Радуюсь своему новому жилищу, словно ребенок, с удовольствием расположилась на новом месте. Меня не смущали ни страшные щели в полу, ни стены, отдающие сыростью и тухлятиной, ни отсутствие людей, которые могли бы ласково посмотреть на меня, пригласить на чашечку ароматного чая.

Я просто хотела жить в Москве и неважно где, с кем и каким образом. Я должна была остаться здесь любой ценой, потому что мое возвращение в родной поселок было бы настоящим поражением, равносильным смерти. Я больше не могла бродить по своему поселку в резиновых сапогах, ждать, когда наступит посевная или сидеть в сельском клубе на каком-нибудь убогом танцевальном вечере. Я слепо верила, что мое место – в шумном, большом городе, где ходят хорошо одетые женщины, которые посещают театры, ночные клубы и косметические салоны. Я хотела быть одною из них, похожей на них. Я очень сильно этого хотела, а я привыкла добиваться того, чего хочу. Но это удавалось мне в поселке. Смогу ли я добиться чего-то в Москве?!

Во мне жила обида. Мне было обидно за то, что я родилась не в городе, а в поселке. За то, что моя мать никогда не знала, что такое отдых и работала на ферме от зари до зари.

Что мой отец тихо спивался на глазах всей семьи, и мы ничего не могли с этим поделать. Он изобрел какую-то ядреную самогонку и помимо того, что беспробудно пил сам, спаивал ею соседских мужиков. Обидно, что наш ветхий дом уже давно завалился на бок и мог рассыпаться по бревнышкам в любой момент. Что после школы я должна была работать в поселковом магазине, куда заглядывали в основном местные жители, чтобы приобрести свежий хлеб, макароны или нехитрую закуску. Самым ходовым товаром, конечно же, была «самопальная» водка, она раскупалась с завидной скоростью, потому что в нашем поселке пили все, начиная от прыщавых подростков и кончая дряхлыми старухами. Несмотря на свой старческий вид, они имели отменное здоровье и никогда не отказывались пропустить рюмочку-другую. Правда, иногда у нашего магазина останавливались иномарки. Хорошо одетые люди заходили, брезгливо морщили носы и с раздражением говорили, что он напоминает им старые времена, времена нищеты и дефицита. «Врагу не пожелаешь здесь жить», – бормотали они, уходя. Я не люблю вспоминать это. Пьяные рожи, шуточки, ужимки, приставания алкоголиков трактористов... Запомнился один случай. У нашего магазина остановился шестисотый «Мерседес» с московскими номерами. Мужчина поинтересовался, есть ли у нас в продаже приличные сигареты. Посмотрев наш нехитрый «сигаретный арсенал», он растерянно пожал плечами и обиженно хлопнул носом.

– Вот черт, а у меня, как на зло, сигареты закончились. У вас здесь такой выбор, не знаешь что и взять. Тяжело выбирать, когда не из чего выбирать! – Мужчина тихонько засмеялся и оглядел меня с ног до головы.

– А вы сама-то что курите?

– А я не курю.

– Как, вообще не курите?

– Вообще не курю. А почему вы так удивились?

– Потому что я уже тысячу лет не встречал девушку, которая не курит.

– Вы хотите сказать, что вы уже живете тысячу лет?

– Ну, не тысячу, а чуть поменьше. И все же некурящая девушка – это большая редкость.

– Почему?

– Что почему?

– Почему вы решили, что это большая редкость?

– Найти в городе некурящую девушку равносильно тому, что найти иголку в стогу сена. А вы, наверное, местная? – Мужчина еще раз придирчиво оглядел меня сверху до низу, и я уловила в его глазах явный интерес.

– Местная. Только вы не думайте, что наши местные не курят. Просто у нас здесь больше выпивают...

Я сжалась над заезжим мужчиной и выложила на стол крутую, по моим меркам, пачку «Парламента».

– Что это?

– Это из-под полы. Такие сигареты вас устроят? Мужчина

рассмеялся и взял сигареты.

– Устроят. А может у вас еще что по дорожке есть, из-под полы?

– Дорожке нет и не было, – отрезала я и точно, так же, как несколько секунд назад оглядывал меня мужчина, оглядела его – так же, с ног до головы.

– Хорошо, тогда и эти пойдут.

Рассчитавшись за сигареты, мужчина внимательно посмотрел мне в глаза и произнес томным голосом:

– А вам кто-нибудь говорил, что вы очень красивая?

– Да. Весь поселок только про это и судачит, – нервно рассмеялась я, почувствовав какую-то неловкость.

– Вы рождены не для поселка.

– А для чего ж я рождена?

– Вы рождены для города.

– Да кому я нужна в городе?!

– Из вас могла бы получиться отличная модель, а ваше лицо могло бы запросто украсить обложку самого модного журнала.

– Скажете тоже! – Я опустила глаза. Чувство неловкости росло с каждой минутой.

– Вам повезло, что вы познакомились со мной. Вы даже не представляете, как сильно вам повезло.

Самоуверенность мужчины не знала границ, и он по-прежнему не сводил с меня своих любопытных глаз.

– Чем же это мне повезло?

– Тем, что я проезжал мимо вашего поселка, что у меня закончились сигареты, что я заглянул в магазин.

– Это вам повезло, что сегодня моя смена и что у меня есть привычка припрятывать хорошие товары.

Мужчина окончательно развеселился и, порывшись в карманах, озадаченно почесал затылок.

– Сегодня определенно не мой день. Не везет. Мало того, что у меня закончились сигареты, так у меня еще закончились и визитки.

– Вы так часто их раздаете?

– Иногда, когда этого требует моя работа. Я очень часто встречаюсь с нужными людьми.

– Значит, вы относите меня к разряду нужных людей? – немного вызывающе спросила я и положила руки на таллию.

Мужчина рассмеялся и одобряюще посмотрел на меня.

– Как вас зовут?

– Анжела.

– А меня Александр. Так вот, Анжела, отечественный модельный бизнес просто погибает без вас. Вы должны блистать не за прилавком этого магазина, а на самом настоящем подиуме. Поверьте мне, он для вас.

– Вы надо мной смеетесь?

– Совсем нет. Если у вас будет желание поработать в Москве, приезжайте. Запишите мой телефон.

– Записываю.

Я оторвала кусочек от старой газеты и записала продикто-

ванный номер. Сунув бумажку в карман, я залилась краской и задала до неприличия глупый вопрос:

– Приеду я в вашу Москву, а вы меня забудете. Вы хоть помните, кто должен позвонить-то?

– Анжела. У меня отличная память. Только не тяните с приездом и никогда не забываете...

– О чем?

– О том, что вам очень повезло. Вы познакомились со мной. Это крайне редкое везенье. Помните, в любом успешном деле самое главное оказаться в нужное время в нужном месте. И еще, вам ужасно не идет этот бесформенный рабочий халат. На вас куда лучше смотрелось бы вечернее платье с открытой спиной и глубоким декольте.

– На такое платье нужны большие деньги, а у меня их нет.

– Не беда. Такая девушка, как вы, может запросто их заработать. Вы будет носить не только дорогие платья, но и дорогие шубы.

Мужчина посмотрел на часы и направился к выходу. Остановившись у двери, он улыбнулся:

– До встречи! – и вышел на улицу. Я смотрела вслед «Мерседесу», смотрела долго, даже тогда, когда его силуэт совсем исчез вдаль.

С тех пор прошел ровно год и вот сейчас, когда я лежу на старой железной кровати в комнате коммуналки, я держу листок с номером телефона и думаю, стоит мне позвонить или нет. Теперь я знаю, что это номер мобильного телефона

и понимаю – это мой шанс, я должна позвонить. Возможно, он и не вспомнит, кто я такая, а возможно... У меня теплилась надежда и я не хотела ее разрушать, я хотела верить в удачу.

В этот момент в комнату постучали, и на пороге показалась женщина приблизительно сорока лет в махровом халате, в тапочках, на голове бигуди.

– Можно?

– Входите, пожалуйста. – Я моментально встала.

– Да я просто хотела посмотреть, что за соседку ко мне подселили. Ты, что ли, теперь тут жить будешь?

– Я.

– Ничего, что я сразу на ты?

– Ничего.

– Я тоже так думаю. Значит, теперь соседями будем. Меня Галиной зовут. Я от тебя через стенку живу. А в противоположной комнате дед живет. Старый уже, глухой. Иваном зовут.

– А меня Анжелой.

Я показала Галине на стул и села на краешек кровати.

– Галина, вы садитесь. Правда, там спинка слегка сломанная.

– Называй меня на ты. Подругами будем. Галина села на стул и проверила его прочность.

– Должен выдержать. У меня у самой вся мебель такая. Не сегодня, завтра развалится. Когда мужика в доме нет, все

рушится. Да и на черта мне нужно чужую коммуналку обу-
страивать.

– Может, чаю налить?

Галина отрицательно покачала головой и встала.

– Я сейчас лучше винца принесу. Давай за знакомство.

Как только женщина ушла, я сунула газетный обрывок с номером телефона в карман – до лучших времен. Через несколько минут Галина вернулась, держа поднос с открытой бутылкой вина, парочкой бокалов и коробкой шоколадных конфет. Поставив поднос на стол, она торжественно разлила вино по бокалам и дала один бокал мне.

– Ну что, махнем за знакомство?

– За знакомство!

Я посмотрела на Галину взглядом, полным благодарности, и подумала, как все-таки замечательно, что я в этом большом незнакомом городе теперь не одна, что у меня появилась соседка, с которой можно смело выпить рюмочку, поговорить за жизнь.

– Тут до тебя украинка жила. На рынке торговала. Очень хорошая девушка. У нее там дома какие-то проблемы возникли, и она уехала. Комната совсем недолго пустовала. Неделя прошла, и ты сюда заехала. Надолго в Москву?

– Как получится.

– Денег хочешь заработать?

– Хочу моделью стать.

– Моделью?! – Галина рассмеялась и засунула в рот кон-

фету. – А у тебя связи какие есть?

– Нет. Но я все равно верю, что стану богатой и известной. – Я слегка смутилась, но все же продолжила: – Завтра же пойду по модельным агентствам.

– Значит, говоришь, проституткой хочешь стать, – совершенно спокойно сказала Галина. – Тебе кто-нибудь говорил, что это не самый лучший вид заработка?

– Какой еще проституткой?! Я же сказала, что хочу стать моделью. – От возмущения я тяжело задышала и покрылась красными пятнами.

– Да это одно и то же! – Галина была так же невозмутима, как и несколько секунд назад. – Этих моделей трахают пачками или в наем сдают. Где ж на вас на всех-то подиумов да модных журналов наберешься?!

– А вот и не правда...

– А вот и правда. Ты со своей деревни только приехала и московской жизни не знаешь, а я здесь уже несколько лет живу и давно все прочухала. Поверь мне, я столько этих моделей повидала, что тебе и не снилось. Теперь они все на Тверской стоят или, в лучшем случае, квартиры, именуемые прифонами, обслуживают. Когда я первый раз приехала в Москву, я тоже думала, что весь мир лежит у моих ног...

– И что?

Да ничего. Мир повернулся ко мне задницей и заставил меня жить по своим правилам. Может, ты лучше торговать на рынок пойдешь? У меня есть возможность тебя нормаль-

но устроить. Хозяин хороший, платить будет. Он ценит тех, кто на него преданно горбатит. Так что кое-какие деньги сколотишь.

– Я приехала в Москву не для того, чтобы торговать на рынке. Я приехала, чтобы быть известной. – В моем голосе звучал вызов. Я говорила и верила, что мои слова чего-то стоят.

Галина пожала плечами и перевела разговор на другую тему.

– Ладно, я не хотела тебя обидеть. Просто ты еще слишком молодая, горячая и наивная. Немного в Москве проживешь, жизнью пооботрешься и от твоей наивности ничего не останется. Я вот тоже когда-то была романтиком по натуре. Ждала принца на белом коне. Думала, что эмансипированные девицы и женщины вамп уже надоели нашим мужикам до чертиков, что им хочется нежных, заботливых барышень с чистой душой и точно таким же чистым сердцем. Да только эта романтическая легкость оказалась на фиг никому не нужна. Сейчас я совсем другая, на смену романтизму пришла самая настоящая стервозность.

– А что ты вкладываешь в понятие стервозность? – осторожно поинтересовалась я у Галины.

Это когда у женщины есть определенный цинизм, сарказм и ирония. Надо всегда контролировать себя, свою доверчивость. Особенно к мужчинам, иначе можно попасть к ним в ловушку. Я научилась не терять от мужика голову, а это

очень важно. Ты даже не представляешь, как это важно. Потом поймешь. Когда немного подрастешь. Я смогла воспитать себя так, что во всех ситуациях с мужиками я всегда рулю сама. Могу познакомиться с мужиком, наговорить ему кучу комплиментов, поднять его до небес, так, что он слепо поверит в то, что он самый красивый, единственный и незаменимый. А на следующий день могу пройти мимо и даже не вспомнить, как его звать. Я к тому говорю, чтобы ты воздушных замков не строила и о звездах с небес не мечтала. Внешность у тебя – будь здоров, по этому поводу переживать не стоит. Тебе сейчас для того, чтобы в Москве удержаться, нужна хорошо оплачиваемая работа и хороший, платежеспособный мужик, чтобы хоть в первое время помог. Не дал умереть с голода.

– Я завтра прямо с утра по модельным агентствам поеду, – не поддавалась я Галининым доводам и твердо стояла на своем.

– Счастливого пути. Но если никуда не устроишься, я тебя к торговле приставлю. Живые, реальные деньги еще никому не помешали. Я вот тоже, может, раньше артисткой хотела стать и что из этого получилось? Да ничего. Я даже в театральную поступала и...

– И как?

Да никак. Прямо на первом туре и срезалась. Мне сразу объяснили, что таких – пруд пруди и чтобы я никаких иллюзий на этот счет не питала. Я девушка умная, все на лету

схватываю, поэтому сразу прикинула, что почем и от этой затеи напрочь отказалась. Правда, в студенческой столовой на меня декан одного факультета так глазами сверкнул, что я сразу поняла – хочет меня сволочь. Глаза похотливые, так и сверлят. Если бы у меня тогда мои сегодняшние мозги были, я бы с ним за студенчество своим телом рассчиталась, но я даже подумать об этом не смела. Дура была законченная.

Галина замолчала, допила остатки вина в своем бокале и вдруг спросила:

– Послушай, а ты издалека?

– Двести пятьдесят километров от Москвы.

– Это еще по-божески. А почему ты выбрала именно Москву?

– А куда ехать-то? В соседнюю деревню?

– Тоже верно. Если уж начинать, то с Москвы, и если бы-ка брат, то сразу за рога. За его задницу ты бы и в своей деревне могла подержаться. Так что, у тебя вообще никаких наметок?

– Каких наметок?

– Ну связей, я имею в виду...

– Да, есть у меня один телефончик...

– Правда? И кому принадлежит этот телефончик? Директору самого крутого Московского модельного агентства?

В голосе Галины звучала ирония, но я постаралась не обращать на это внимания.

– Я и сама не знаю, кто он. Просто мужчина, пообещав-

ший мне красивую жизнь.

– Как это?

– Пообещал увековечить мое лицо на обложках самых модных журналов, дорогие платья... Короче, весь мир к моим ногам.

– Прямо так и пообещал?

– Прямо так и пообещал.

– Ну если пообещал, то пусть делает.

Я рассказала Галине о том случае годовалой давности, когда мужчина из «Мерседеса» оставил мне свой телефон. Галина меня внимательно выслушала, на ее лице появилось озадаченное выражение.

– Это становится интересно. Тогда чего ты ждешь? Звони.

– Но ведь прошел год.

– Да хоть десять!

– А ты думаешь он меня вспомнит?

– Куда он денется! Не будет в следующий раз языком трепать. Пусть знает наших деревенских.

Я достала из кармана смятый клочок бумаги и положила его к себе на колени. Галина тут же пододвинула мне телефон:

– Звони.

– А может не надо?

– Звони, коли приехала.

Глава 2

Когда в трубке послышались длинные гудки, я напряглась, как струна, и приготовилась к самому худшему. Вот сейчас снимут трубку, затем я буду долго объяснять, кто я такая, мужчина будет долго-предолго вспоминать, а затем пошлет меня к чертовой матери и при повторном звонке просто выключит свой мобильник, так и не вспомнив, кто же побеспокоил его. На газетном листке его имя. Александр. Имя обычное. У меня знакомых Александров – хоть отбавляй, а такой – только один. Знакомство так в душу запало, что я решилась приехать в Москву. Может и вправду поможет этот Александр... Может и вправду...

Услышав в трубке мужской голос, я почувствовала, как у меня перехватило дыхание и, пересилив чудовищный спазм, с огромным трудом выговорила:

– Здравсте.

– Здравсте, – ответил мужчина.

– Это Анжела. – Я не придумала ничего другого, как сразу представиться. – Вы меня не помните?

Видимо, мой тоненький голос не понравился Галине, и она изо всей силы ткнула меня в бок.

Я слегка поперхнулась, прокашлялась и пригрозила ей кулаком.

– Посмелее надобно, – обиженно проговорила она, глядя

на меня недовольным взглядом.

Почувствовав замешательство на том конце провода, я испугалась, что сейчас могут повесить трубку и заговорила слегка увереннее.

– Я правильно попала? Это Александр?

– Александр.

– А это Анжела.

– Какая Анжела?

– Ой, я так и думала, что вы меня не узнаете. Все-таки целый год прошел. Вы мне сами оставили свой телефон. Вы к нам в поселок, в магазин, приезжали. У вас еще сигареты закончились. А я тогда в магазине была и вам их из-под полы достала.

– Какой поселок?! Какой магазин?! Девушка, вы наверное что-то путаете?!

– Да ничего я не путаю... Просто уже ровно год прошел. У меня есть листочек с вашим номером телефона. Вы сказали мне, что наш отечественный модельный бизнес без меня умирает. Кстати, вы сами дали мне свой телефон. Я же не могла его с потолка взять, да и придумать тоже. Просто я в своем поселке на год задержалась, а теперь не выдержала и приехала. Вы сказали, что мне очень повезло, что я с вами познакомилась, только я везения особого не вижу. Я звоню, а вы меня даже узнать не хотите. Я, конечно, понимаю, что у вас таких Анжел в каждом поселке полно, но тогда какой смысл вам было оставлять свой телефон?!.

Я же вам поверила. Разве можно так с людьми обходиться.

– Девушка, вы ошиблись. – Послышались короткие гудки,

и я поняла, что связь прервалась.

– Ну что, все? Концерт окончен?! – вернула меня в реальность Галина.

– Окончен.

– Я так и знала.

– Все-таки год прошел.

– Год тут не при чем. Просто ты не говорила, а мямлила.

– А как я должна была, по-твоему, говорить?

– Порезче.

– Да как я могу с незнакомым человеком порезче разговаривать?

– Не такой он уж тебе и незнакомый. Все-таки номер телефона оставил.

– Можно подумать номера телефонов друг другу только знакомые люди оставляют. Таких случаев сколько хочешь.

– Ты никогда не смотри на всех и не делай так, как делают все. Будь индивидуальна. У тебя должно быть все по-другому. Не как у всех.

Почувствовав, как на глаза навернулись слезы, я с трудом сдержала себя, чтобы разрыдаться и выпила свой бокал до самого дна.

– Я так и знала... Я так и думала... Но ничего, без него обойдусь. Завтра сама пойду по модельным агентствам. Мир не без добрых людей. Может, я кому-нибудь приглянусь. Мо-

жет, меня кто-то и заметит.

– Конечно, заметит, – ехидно поддела меня Галина. – Тело у тебя молодое, красивое. Для торговли подойдет в самый раз.

– Я буду торговать не своим телом, а своей внешностью! – перебила я, пытаюсь скрыть раздражение, которое вызвала у меня Галина. – Это разные вещи и попрошу тебя их не путать.

– А никто и не путает. Твоя внешность интересная, да только проку от нее мало. А вот на твоём теле можно хорошие деньги заработать. А ну-ка попробуй еще раз позвонить этому болтуну.

– Зачем?

– Затем, что, может, он вспомнил, кому свои телефоны раздавал.

– Да ничего он не вспомнил! Я ему больше звонить не буду.

– Тогда давай я позвоню.

– Ты?!

– А почему бы и нет. Тебе-то уже что терять? За одно и поучишься у старших, как надо с мужчинами разговаривать.

– А что ты ему скажешь?

– Я всегда найду, что сказать. Ты лучше слушай и учись, пока я живая.

– А ты что, помирать, что ли, собралась?

– Ну, не собралась. Просто жизнь такая штука непредска-

зубная... Все мы под Богом ходим и неизвестно, что с каждым из нас завтра будет. Давай номер.

Я почувствовала, что Галина берет надо мной верх. Слегка помявшись, я протянула ей бумажку.

Она приняла серьезное выражение лица, а я замерла, как египетская статуя, и приготовилась к самому худшему.

– Але, здравствуйте. Простите, а вас, случайно, не Александр зовут?! Очень хорошо, что хоть в этом признались. Александр, скажите, так кто вас научил девушек обманывать?! Вроде бы такой большой мальчик, а врешь, как маленький ребенок. Я подруга Анжелы и поверьте, найду в себе силы за нее заступиться. Девушка приехала в Москву по вашему прямому приглашению, а вы даже не считаете нужным с ней разговаривать! Где же ваш гребаный модельный бизнес с вашими подиумами и красивой жизнью?! Сорвали девушку с места, пообещали красивую жизнь... – Неожиданно Галина напряглась и удивленно захлопала глазами. – Хорошо, я сейчас дам ей трубочку. Мне очень приятно, что вы ее вспомнили. С этого и надо было начинать. Галина протянула трубку но, почувствовав мое замешательство, сунула ее мне прямо к уху. – Говори быстрее. Он тебя вспомнил.

Взяв трубку, я не могла поверить своему счастью.

– Але. Саша. Это Анжела.

– Здравствуй, Анжела. Я тебя помню.

– Правда?

– Конечно, правда. Красивая девушка из поселкового ма-

газина, доставшая мне из-под полы пачку сигарет. Ты молодец, что перезвонила. Извини, я сразу тебя не узнал.

– Просто прошел год.

– Вот именно. Ты слишком долго собиралась. Я только потом понял, кто звонит, когда ты трубку уже положила. Я чувствовал, что ты перезвонишь и предчувствие меня не обмануло.

– А вы мне и правда поможете?!

– Помогу, только в том случае, если ты будешь называть меня на ты.

– Саша, а ты мне и в правду поможешь?!

– Помогу. Я же тебе обещал. Сделаю из тебя модель мирового класса. Записывай координаты.

– Какие еще координаты?

– Ну, куда тебе нужно подъехать. Ты в метро ориентируешься?

– Ты только скажи, куда ехать. Я тебя обязательно найду.

– Ты не ответила на мой вопрос. Ты в метро ориентируешься?

– Не ориентируюсь. Но я схему посмотрю. Язык до Киева доведет.

– Это он где угодно доведет, только не в Москве. Тут редко кто на вопросы отвечает, потому что кругом одни приезжие. А москвичи на вопросы отвечать устали, потому что их слишком много и слишком часто задают. А вообще ладно. Схему посмотришь. Не заблудишься. Доедешь до метро

кольцевая Таганская. Пройдешь через дорогу к театру. Он темно-красного цвета. Будешь меня там ждать.

– А во сколько?

В двенадцать часов дня. Шестисотый «Мерседес», номер – все семерки. Такие номера на вес золота, поэтому ты меня ни с кем не перепутаешь. Добро?

– Добро. Ты меня, наверное, уже и не помнишь. Я к «Мерседесу» подойду.

– Тогда до завтра.

– До завтра.

Я протянула Галине телефонную трубку и растерянно проговорила:

– Ты представляешь, он меня вспомнил. Нет, ты можешь себе представить! Вспомнил и даже назначил встречу.

– Представляю, что тут не представить. Если он тебя вспомнил, значит, он тебя и не забывал.

– Как это? – не поняла я.

– Так это. Если бы мужик тебя забыл, он бы при всем желании тебя никогда не вспомнил. Просто на тот момент, когда ты ему звонила, рядом с ним кто-то был.

– А кто?

– Понятное дело, женщина, кто ж еще. Вот он тебя при ней-то и не узнал. Когда я ему сама позвонила, он даже обрадовался, словно звонка ждал. Значит, уже один остался. Ты же говоришь, он мужик видный, ясно, что у него кто-то есть. Он от этой тетки или жены отошел подальше и уже со-

вершенно спокойно с тобой поговорил, чтобы себе никаких лишних проблем не делать. Где ты завтра с ним встречаешься?

– На Таганской.

– А куда вы едете?

– Ой, я спросить забыла!

– Это не важно. Главное, что он тебя пригласил, и вы куда то едете. Ты хоть понимаешь, что ты должна выглядеть на все сто? У тебя есть что надеть?

– Конечно, я же сюда не раздетая приехала.

– Ты меня не поняла. Я имела в виду что-нибудь приличное. Хорошие шмотки в твоём гардеробе имеются?

– Должны быть...

– Ладно, я завтра до обеда дома. Если что, помогу. Может, из моего гардероба что-нибудь подберем. Оденем тебя, как королевну, чтобы он обомлел и в самом деле тебя в какое-то приличное агентство пристроил. Хотя сейчас модели особо и не зарабатывают, но ты же у нас будешь высокооплачиваемая модель! А вообще, будь осторожна. Ты же сама толком не знаешь, что это за Саша и уж тем более, что у него на уме. Может он именно таким образом молодых и красивых заманивает и устраивает в какие-нибудь фирмы досуга.

– Да что ж у тебя все только вокруг да около проституции построено?! – окончательно разозлилась я.

– Я тебе уже говорила, я в Москве много лет живу и всю криминальную подноготную очень хорошо знаю. На таких

доверчивых дурочках, как ты, очень даже хорошо зарабатывают. Поэтому держи ухо востро и особо не расслабляйся.

Слова Галины были необычайно резки и жестоки, и все же я не могла не признать, что возможно она права.

– Это хорошо, что я ему тоже позвонила, он понял, что ты не одна. Пусть знает, что за тебя есть кому заступиться. Номер его телефона и номер его машины я знаю, хотя это такие вещи не постоянные, их всегда поменять можно.

...В эту ночь я почти не спала. Я думала. Я представляла, и я мечтала... Я представляла фешенебельный холл и необычайно красивый подиум. Целое море длинноногих, роскошных манекенщиц, которые могли бы смело претендовать на звание «Мисс Мира». И я. Я среди них! Господи, подумать только, я среди них... Неужели мой план по захвату столицы сбудется?! Конечно, вне всякого сомнения, он обязательно сбудется. Потому что я очень красивая. Может быть другие этого и не замечают, но самое главное, что это заметила я. Как говорится, не бывает некрасивых женщин. Бывают женщины, которые просто не хотят быть красивыми. По крайней мере, если я считаю себя таковой, значит, смогу убедить в этом других. У меня железные нервы и звериная хватка. Это ничего, что я обыкновенная провинциалка. Это ничего. Одни устают штурмовать Москву и возвращаются домой, убеждаясь в том, что нет ничего хуже шумного, непредсказуемого города. Другие не сдаются и до последнего идут к намеченной цели, сметая все на своем пути, пренебрегая прин-

ципами и условностями. Цель оправдывает средства. Говорят, у манекенщиц не самая лучшая жизнь. Мол, они спят со всем персоналом, начиная от осветителей, фотографов и заканчивая учредителями и организаторами какого-нибудь конкурса, который и дает определенные шансы на успех. В нашем поселке вообще всегда говорили, что все фотомодели и манекенщицы – самые настоящие проститутки, что все они сидят на наркотиках. Мол, наркотики отбивают аппетит и только таким образом девушки подобной профессии держат свой вес в норме. У всех у них бесчисленное количество любовников, пьяные дебоши и даже драки. Их как бы застывшие, холодные лица, загадочные глаза – от дурмана ежедневной дозы кокаина. И все же... От этих глаз идет блеск, от кокаина глаза блестят как после ночи любви. Говорят, к наркотикам модели привыкают очень быстро. Попробовав, уже не могут обойтись без дозы.

Не смотря на совершенно непонятные перспективы, я ничуть не боялась такой жизни. Я хотела сделать карьеру. Любой ценой. Любыми усилиями. Сначала сделать карьеру, а уж потом устроить личную жизнь. Я уже знала, что мужчины никогда не прощают женщинам, если они красивы и к тому же добиваются успеха. Значит, если мои планы осуществятся, у меня будут большие проблемы с личной жизнью.

Чтобы не потеряться в круговороте жизни, нужно знать себе цену. И я ее знаю... Именно поэтому, начиная штурм столицы, я готова назначить себе высокую цену. И я обяза-

тельно найду людей, которые будут платить эту самую цену. Мне нужно попасть в хорошее агентство, сделать серию отличных профессиональных фотографий, чтобы у меня было портфолио. Работа предстоит тяжелая, но за нее хорошо платят.

Утром на пороге моей комнаты появилась Галина с модным джинсовым костюмом.

– А ну-ка примерь!

– Что это?

– Костюм.

– Мне?!

– Ну понятное дело! Кто у нас на свиданье идет, я или ты?!

– Я.

– Тогда надевай. Меня уже в модели не возьмут, хоть фигурка и неплохая. Мне в следующем году уже сорок будет. Я пару лет назад задницу наела, с таким трудом лишний вес скинула. Жизнь женщины – вечная борьба с возрастом. Вот я и борюсь, как могу. Еще скажи, что у меня не получается!

– У тебя все получается... – Я пришла в небольшое замешательство. – Ты очень хорошо выглядишь. У тебя на лице нет ни единой морщинки.

– Откуда у меня будут морщины, если я месяц назад свое лицо ботоксом наколола? Это же денег стоит!

– Чем наколола?

Я еще раз всмотрелась в лицо Галины и поняла, что меня так удивило еще вчера. Это было лицо мраморной статуи,

никакой мимики, она даже ни разу не сморщила лоб.

– Видишь, я могу только брови поднимать и то с большим трудом. А лоб не могу наморщить. У меня там мышцы заблокированы. Они отключились. Это ботокс. Токсин ботулизма. Он сейчас во всем мире в косметологии используется, только в России его еще немного боятся. А Европа вся на него уже давно подседа. Я женщина смелая и стала делать так, как делает Европа. Я раньше чего только не делала. Шлифовки различные, ультразвук, микротоки. Все бесполезно. Уже машину на эти деньги могла бы купить, ей-богу. А когда прознала об этих уколах, думаю, пусть мне их прямо в лицо колют. И ты знаешь, ни грамма не пожалела. Я теперь каждые шесть месяцев колю и понимаю, что деньги в дело идут. Лицо от твоего ничем не отличается. Ладно, тебе еще рано в такие вещи вникать. Вот подрастешь и сама все узнаешь. Я тебе костюм принесла из последней коллекции. Только смотри, ничем не заляпай. Он больших денег стоит.

– У меня есть что надеть.

– Такого костюма у тебя нет. Давай надевай. Мне для хорошего человека ничего не жалко. Может и в правду у тебя все получится, станешь известной, богатой и меня вспомнишь добрым словом, подкинешь чего.

Поняв, что с моей соседкой лучше не спорить, я надела костюм и прошлась по комнате той самой походкой, которой ходят манекенщицы.

– Ну, как?

– Шикарно. Ты выглядишь просто шикарно! Только смотри, не ложись под этого Александра в первый же день. Пусть он сначала что-то для тебя сделает. А то наговорит кучу комплиментов, ты на радостях и ноги расставишь. Ты чересчур романтичная, так нельзя.

– Я совершенно не романтичная.

– Я тебя насквозь вижу. Такие, как ты, верят в любовь.

– А ты в нее не веришь?

– Нет. Запомни, любовь – это, сказка, придуманная мужчинами, которые не хотят платить. Не позволяй никому морочить себе голову. Твоя голова должна быть всегда на плечах.

– Но ведь страшно так жить?! – захлопала я глазами.

– Как?

– Так, как живешь ты.

– А как я живу? – искренне удивилась Галина. – Откуда ты можешь знать, как я живу?!

– Я неправильно выразилась. Вернее, страшно так рассуждать.

– Страшно иметь такой романтизм, как у тебя. Нужно жить более реально, приближенно к земле. Мужчины любят заморочить голову, а потом бросить. Когда тебя бросают, твоя жизнь не скоро возвращается в то русло, в котором текла раньше. Ты будешь страдать, а все вокруг будет казаться серым, жалким и унылым. Чтобы не допустить такой ситуации, не позволяй мужчинам морочить себе голову. Ты уже

назначила себе цену?!

Я поправила джинсовую кофту с короткими рукавами, расшитую цветными камнями, и ответила с вызовом в голосе:

– Я назначила себе высокую цену.

– Молодец. И никогда ее не сбивай. Никогда. Хоть раз ты опустишь планку, твоя цена упадет навсегда.

– Я достойна не только денег. Я достойна любви.

Галина укоризненно покачала головой и расстегнула пуговицы на джинсовой кофте почти до середины моей груди.

– Ладно, не буду с тобой спорить и чему-то тебя учить. Тебя жизнь потом сама научит. Только запомни, если ты будешь искать в этой жизни любовь, никогда и ничего не добьешься. Не стоит менять все перспективы и блага жизни на любовь, потому что любовь – дама капризная, непостоянная, она бросает в самую тяжелую минуту, когда тебе особенно паршиво. Ты просто обязана впитать в себя цинизм нашего времени. Ты должна не любить, а наказывать мужчин за их многовековое самодовольство. И запомни еще – наверху всегда тот, кто лучше всего может использовать другого.

– Как ты сказала? – Последняя фраза явно меня заинтересовала.

– Наверху всегда тот, кто лучше всего может использовать другого, – невозмутимо повторила Галина.

– Но ведь это очень жестоко...

– Что жестоко?

– Использовать людей...

– Если ты не будешь использовать нужного тебе человека, он будет использовать тебя. Использование другого человека вовсе не исключает прогулок под луной и клятв в вечной любви. Ты должна знать основную жизненную заповедь – никогда не спи с типом, у которого проблем больше, чем у тебя.

– По-твоему, я должна спать только с тем, у кого мало проблем?

– Желательно спать с тем, у кого их вообще нет. Правда, таких людей практически не бывает. Постарайся спать с тем, кто будет носить свои проблемы в себе, а не будет грузить ими тебя. У тебя своих проблем хватает.

– Это называется потребительство.

– Это не потребительство. Потребительством называется тот факт, когда ты только берешь и ничего не даешь взамен.

– А тут именно так и получается.

– Нет. Мужчины дают тебе одно, а ты даешь им взамен другое.

Подойдя к зеркалу, я посмотрела на свой слишком открытый вырез на кофте и повернулась к Галине.

– Что-то ты мне слишком много пуговиц расстегнула...

– Нормально. В тебе должен чувствоваться сексуальный призыв. Этот Александр думает, что к машине подойдет какая-то деревенская дура с банкой варенья собственного производства. В выгоревшей косынке на голове и стареньком

платье. А тут такая дама к машине подкатит, что у него просто челюсть отвиснет...

Мы пошли на кухню, чтобы выпить по чашечке кофе. Сделав маленький глоток, я осторожно спросила:

– Ты говоришь, что тебе уже почти сорок... А почему ты не замужем?

– Я была замужем...

– И что?

– Неудачно. Ты же знаешь, что замужество бывает удачным, а бывает и нет.

– И что, больше ты не стала делать попыток жить с кем-то еще?

– С годами я поняла, что супружество – дело взрослых людей. Когда выходила замуж, я была слишком молода, слишком наивна и слишком глупа. Я могла бросить телефонную трубку, послать всех к чертям и уйти, хлопнув дверью, Нет, в супружество нужно вступать тогда, когда ты уже не можешь хлопнуть дверью, бросить телефонную трубку и уйти тогда, когда тебе этого захочется. Ты вступаешь в жизнь, которую нужно прожить вместе с кем-то. Вместе, не смотря ни на что... И как же это тяжело – жить с кем-то под одной крышей. Я слишком много лет живу одна. Слишком много для женщины... Я даже забыла, как это делается. Один раз я постаралась вспомнить. Я напрягла свою память, постаралась вспомнить. И знаешь, что из этого получилось?

– Что?

– Самым радостным и незабываемым для меня был момент, когда тот, с кем я это вспоминала, наконец, покинул мое жилище и пошел своей дорогой. Если женщина долгое время живет одна, заставить ее отказаться от этой жизни равносильно тому, что заставить наркомана отказаться от наркотиков. Хотя, кто его знает...

Неожиданно в глазах Галины появились слезы.

– Кто его знает... Вообще, давай не будем о грустном.

Я почувствовала себя неловко и виновато вздохнула:

– Извини. Я наверное задала совершенно бестактный вопрос.

– Все нормально. С чувством такта у тебя полный порядок.

Глава 3

Я увидела нужную мне машину еще издалека и почувствовала, как задрожали мои колени. Мне было необъяснимо страшно и одновременно радостно. Страшно оттого, что мне предстояло подойти к столь дорогой машине и сесть в нее, а радостно оттого, что эта машина ждала именно меня, ждала, чтобы увезти в новую, неведомую мне ранее красивую жизнь. Жизнь, в которой есть деньги, роскошь, свои принципы, свои законы. Я мечтала о такой жизни. Господи, как же я о ней мечтала...

Подойдя, я с ужасом обнаружила, что в машине никого нет. Я обошла ее, встала у водительской двери и растерянно посмотрела по сторонам.

– Анжела, прости, я ходил за сигаретами.

Обернувшись, я увидела Александра, того самого, которого я не видела год и о встрече с которым грезила долгие месяцы. Он нисколько не изменился, словно забегал в поселковый магазин вчера. Все тот же умопомрачительный парфюм, невероятно дорогой костюм, уложенные муссом волосы, притягательная улыбка и взгляд, который буквально раздевает женщину...

– Здравсте...

– Привет. Ты потрясающе выглядишь! Я думал...

– Ты думал, что к машине подойдет деревенщина в старом

платье и выцветшей косынке?

– Ну, что-то в этом роде, – засмеялся заметно повеселевший мужчина.

Минута, и он был ко мне уже совсем близко. Его руки сначала скользнули по моим плечам, а затем сомкнулись на моей талии, почти у самых бедер. Я почувствовала себя в его руках, словно в тисках, и мои просьбы немедленно меня отпустить пролетали мимо его ушей, словно он просто оглох.

– Ну что ты вырываешься? Мы же не виделись с тобой целый год! Я успел соскучиться.

– Саша, убери руки. Мы встретились с тобой по делу, – попыталась я его образумить.

– Никто и не спорит. Просто я не ожидал, что ты так замечательно выглядишь. Ладно, садись в машину.

Признаться, я никогда не сидела в столь дорогих машинах на дорогих кожаных креслах. Внутри салона я почувствовала легкую дрожь, закружилась голова. Александр включил легкую музыку и завел мотор. Я напряглась и сделала все, чтобы натянуть на свою испуганную физиономию беззаботное выражение.

– Куда мы едем?

– А куда ты хочешь?

– Я... Я... Не знаю... Я думала, ты повезешь меня в какое-нибудь модельное агентство.

– Если думала, значит повезу.

Неожиданно Александр остановил машину у тротуара, на-

клонился к моему уху и стал покрывать его поцелуями. Я вздрогнула и резко отстранилась. На Александра это не подействовало. Он сжал меня так сильно, что казалось у меня хрустнули кости. Я была вне себя от ярости и стыда и закатаила ему звонкую пощечину.

Саша отпустил меня посмотрел ошарашенным взглядом.

– Ты чего?!

– Ничего. Это ты чего руки распускаешь?!

– Я руки не распускаю. Я просто соскучился.

– Ах, ты просто соскучился... Как ты мог соскучиться, если ты меня совершенно не знаешь?!

– А ты считаешь, что для того, чтобы скучать, нужно видеться каждый день?

– Но ведь мы виделись всего раз в жизни, да и то год назад. Ты меня по телефону и то не сразу вспомнил. Я очень удивилась, что ты меня вообще вспомнил.

– Вот именно. Мы виделись с тобой раз в жизни ровно год назад, но, тем не менее, ты решила ко мне приехать. Получается, что ты по мне тоже скучала.

– Я не скучала. – У меня пересохло во рту, язык стал каменным, недвижимым.

– А я скучал, – настаивал Саша.

– Так ты сначала для меня что-то сделай, а уж потом скучай! – Я резко замолчала и подумала, что невольно повторила мысль, которую сегодня утром пыталась втолковать мне Галина.

Александр смотрел на меня так, словно заглядывал куда-то внутрь. Я испугалась. Голова, все тело горели, как в огне, а сердце билось с такой учащенной силой, что казалось вот-вот и я потеряю сознание. С огромным усилием я улыбнулась и осторожно взяла Александра за руку.

– Прости. Если честно, я никогда в жизни никому не давала пощечину. Я даже не знала, как это делается.

– Смею тебя заверить, что у тебя получилось очень даже неплохо.

– Ты на меня обиделся? – Голос мой звучал совсем глухо.

– Я уже не в том возрасте, чтобы обижаться. На обиженных воду возят.

– Ну хочешь, я сейчас выйду из машины и уйду? Хочешь? Я уйду и больше никогда не попрошу твоей помощи. Никогда. Ты только скажи, что ты этого хочешь.

– Да уж сиди, коли пришла.

Последние слова Александра меня немного успокоили, потому что выходить из машины мне определенно не хотелось, так как я уже успела вбить себе в голову, что этот мужчина обязательно мне поможет. Машина тронулась с места, и я, слегка откинувшись в кресле, чуть слышно спросила:

– Саш, а куда мы едем?

– В красивую жизнь, – довольно громко рассмеялся он.

– А что ты подразумеваешь под красивой жизнью?

– Ту жизнь, которую ты хотела.

Мы остановились у небольшого старинного особняка.

Зайдя внутрь, я почувствовала, что попала в какую-то незнакомую мне атмосферу.

– Сейчас тебе сделают фотоальбом, необходимый каждой модели. Это очень дорогое удовольствие, но с тебя никто не возьмет деньги. Отработаешь, вернешь. Считай, что тебя угощает фирма.

– Спасибо, – испуганно пробормотала я и огляделась по сторонам. – А что здесь находится?

Я украдкой разглядывала длинноногих, красивых девушек в холле и чувствовала какую-то неловкость. Девушки были слишком ярко накрашены, слишком вызывающе одеты, слишком уверены в себе. Они о чем-то оживленно разговаривали, но, заметив меня, замолчали и стали оценивающе разглядывать. Стараясь не упасть лицом в грязь, я до нельзя выгнула спину и прошла уверенной походкой манекенщицы, плавно покачивая бедрами.

– Это фотомастерская одного элитного фотографа. Сейчас я тебя ему покажу. Он очень известен. Любой девушке у него сняться – большая честь. Его фотографиями украшены многие обложки дамских журналов.

Александр по-отечески взял меня за руку и провел в комнату, заставленную осветительными приборами.

– Заходи. Это легендарная мастерская Дмитрия Глуценко. Тут снимались самые красивые девушки России. Снимались, становились настоящими моделями и покидали пределы нашей родины уезжая далеко за рубеж в поисках лучшей

жизни и больших денег.

Поняв, что имя известного фотографа ни о чем мне не говорит, Александр замолчал. Увидев хозяина, он расплылся в улыбке:

– Димон, здорово! Ты только посмотри, какую красавицу я тебе подыскал. – Александр похлопал меня по плечу.

– Очередная провинциальная королева, – неприятно рассмеялся фотограф.

– Она не очередная. Она лучшая. А ну-ка поработай с ней. Мне кажется, что в ней что-то есть.

– В каждой женщине что-то есть. Нужно только приглядеться.

– Вот и приглядишься повнимательнее. Думаю, в ней есть особенная изюминка.

– Хорошо. Ей нужно портфолио?

– Просто необходимо.

Фотограф показал, куда именно мне нужно встать. Я улыбнулась и вошла в луча света.

– Как тебя зовут?

– Анжела.

– У тебя красивое имя, впрочем, как и ты сама. Ты когда-нибудь имела отношение к модельному бизнесу?

– Нет.

– Прости, а где ты работала?

– Сейчас нигде.

– Я не спросил тебя, где ты работаешь сейчас. Я спросил,

где ты работала раньше.

– Раньше я была продавцом.

– Оригинально.

– Не знаю, оригинально или нет, но я работала продавцом.

– А где?

– В поселковом магазине.

– Тоже оригинально. Саша нашел тебя прямо за прилавком и привез в столицу?

– Нашел он меня действительно за прилавком магазина, только в столицу не привозил. Я сама приехала.

Я покосилась на развалившегося в кресле Александра и сморщилась от направленного на меня света. Александр весело мне подмигнул и послал воздушный поцелуй.

– Не переживай. Когда фотограф работает с моделью, желательно, чтобы он хоть что-то про нее знал. Так легче. Ты должна идти на контакт.

Я кивнула и мысленно заставила раскрепоститься свое напряженное, скованное тело. Фотограф сделал несколько снимков.

– Отвратительно, – замотал он головой и прикрыл объектив крышкой.

– Что отвратительно? – чуть было не расплакалась я.

– Все отвратительно. Я не могу работать с девушкой, которая боится камеры.

– Ничего я не боюсь.

Боишься. Ты заметно нервничаешь и напрягаешься. Со-

средоточься, а еще лучше расслабься. Ты должна быть естественной, раскрепощенной и сексуальной. Постарайся не обращать внимания на то, что происходит вокруг тебя. Сейчас, в этой комнате, нет ни меня, ни Александра! Слышишь, здесь никого нет! Никого! Ты одна, и ты смотришь на этот мир влюбленным глазами! Покажи нам, как ты себя любишь. Себя, свое тело... Ведь ты же действительно интересная девушка. Так почему же не можешь преподнести себя правильно?! Твой внутренний мир должен найти правильное выражение и отразится на твоих фотографиях. Понимаешь, красота – это не просто красивая грудь и красивые ноги. Это свет, идущий прямо изнутри. Пока я не вижу этот свет. Ты не даешь мне это сделать. Скажи, ты сильная или слабая женщина?

– Ой, я даже не знаю. Все зависит от ситуации. Есть ситуации, в которых у женщины нет выбора, и она становится сильной, а есть наоборот, где ей нравится быть слабой. А почему ты это спросил?

– Потому что при всей твоей робости в твоем взгляде читается вызов. Я не люблю работать с феминистками. Мне проще работать со слабыми женщинами. У них совсем другой взгляд. В этом взгляде чувствуется необычайное тепло, мягкость, нежность, податливость. С такой женщиной можно сделать любые снимки, из нее можно лепить все, что угодно. Слабая женщина с удовольствием отдаст бразды правления умному, надежному мужчине и доверит ему свою судьбу.

бу.

– Ну, не у каждой женщины есть такой мужчина, – попыталась возразить я.

– Каждая женщина просто обязана найти мужчину, которому она смогла бы довериться, – не уступал фотограф.

– Что значит «обязана найти»?! Это же не вещь. Такой мужчина должен найтись сам. Очень многим женщинам приходится самим кормить своих детей. Их никто не прикрывает, никто им не помогает и уж тем более о них никто не заботится. Им просто приходится быть сильными.

– Это мы уже ударились в философию. Давай попробуем еще раз. Только запомни, что в этой комнате никого нет. Ни меня, ни Александра. Забудь про нас. Слышишь, забудь.

– Постараюсь, – вяло пробурчала я и покосилась на объектив.

Не смотря на мою кислую физиономию, фотограф начал меня снимать и ни на минуту не переставал щелкать фотоаппаратом. Совершенно разочарованная в будущем результате, я равнодушно позировала и делала все, о чем говорил мне Дмитрий. Но он, по-моему, был увлечен. Съемки длились бесконечно долго. Когда, наконец, все закончилось, он вытер пот со лба и посмотрел на Александра.

– Саш, ты прав. В ней что-то есть. Что-то особенное. Если с этой девочкой немного поработать, она и в самом деле увидит небо в алмазах. В ней есть скрытая сексуальность, которую при желании можно открыть. А ну-ка давай попробуем

ее переодеть.

Дмитрий позвал какую-то женщину, по всей вероятности, костюмера, которая увела меня в гардеробную. Она доставала весьма откровенное нижнее белье и черные нейлоновые чулки на черном поясе. Я изумилась и растерянно развела руками.

– Это кому? Мне?

– Ну понятное дело, что не мне, – ответила тучная женщина, весившая килограммов сто тридцать, не меньше. – Мне дано распоряжение, чтобы вы выглядели сексуально, и я обязана его выполнять.

Я переоделась, и мы продолжили съемки. Дмитрий был крайне напряжен, но с его лица не сходило выражение самого настоящего блаженства. Наверное это здорово – заниматься в жизни тем, что ты умеешь делать, что тебе нравится. Странно, но в момент съемок я была по-настоящему счастливой. Я больше не чувствовала в камере своего заклятого врага, которого страшно боялась. Я почувствовала в ней друга, который хочет и сможет мне помочь не остаться за бортом жизни. Изображая самые сексуальные позы, я, к своему удивлению, возбудилась сама и принялась преподносить свое тело как самую драгоценную вещь на свете. «Всегда назначай себе высокую цену», – проносились в моей голове слова Галины. – «Если ты хоть раз опустишь планку и снизишь цену, дабы побыстрее себя продать, ты упадешь в цене окончательно. Придет время и за тебя никто не даст и гро-

ша». Я знала, что в моих движениях чувствовалась необычайная уверенность, и я была горда, что смогла так быстро побороть робость, которую вызывала камера. Я словно летела по небу полностью отдавшись во власть объектива и не могла остановиться даже в тот момент, когда Дмитрий не смотрел в камеру.

– А у тебя на удивление фотогеничное лицо. Оно преобразается, когда на него наставлена камера! – слышались восхищенные реплики Дмитрия. – А ну-ка распусти волосы!

Я распустила волосы и поправила упавшую бретельку лифчика.

– А теперь сними лифчик.

– Что?!

– Сними этот гребаный лифчик. Он только прячет твою красивую грудь.

– Но...

– Никаких но. Сними, я сказал!

– Мы так не договаривались...

– Выкини его к чертовой матери! Я хочу видеть твою грудь!

Немного оскалившись, я скинула лифчик и бросила его прямо на пол.

– Молодец! Ты должна избавляться от всего, что сковывает твоё тело. – Дмитрий начал пользоваться несколькими камерами, а я сделала невинные глаза и продолжила эту необычную съемку.

Прикрой груди руками и сделай испуганное выражение лица. Я хочу увидеть, как ты естественно умеешь пугаться, когда кто-то застаёт тебя с голой грудью. Ты должна напугаться по-настоящему, – громко скомандовал Дмитрий, и принялся фиксировать все, что я делала. – Оближи губы и сострой похотливый взгляд... Покажи нам, как твое тело хочет бурного секса. Нет, не так! Кроме секса в твоём взгляде должен читаться голод. Настоящий сексуальный голод!!! Покажи нам, как ты хочешь мужчину! Как ты его хочешь!

Когда все закончилось, я подняла брошенный лифчик и быстро прикрыла им грудь.

– Молодец! Замечательно! Теперь нужно набраться терпения. Работа над портфолио кропотливая, но, как правило, результат превосходит все ожидания.

Дмитрий посмотрел на часы, а затем повернулся к Саше.

– У тебя как со временем?

– Я уж и не знаю. Думал, все закончится намного быстрее. Ты провозился ровно четыре часа.

– Ты же меня знаешь, если я трачу свое драгоценное время, значит это того стоит.

Саша встал.

– У меня еще куча дел. Я оставляю Анжелу с тобой. Приеду вечером. Анжела, дождись меня, пожалуйста.

– Конечно дождусь.

Увидев, что Александр покосился на мои откровенные трусики-бикини, я покраснела и от растерянности опустила

глаза.

– Тебе это портфолио нужно, как воздух. Именно с него у модели начинается жизнь.

Как только Саша уехал, я быстро надела свои вещи и причесала растрепанные волосы. Дмитрий устало вышел в холл.

– Дмитрий Иванович, сегодня съемка будет? — как по команде зашебетали дождавшиеся его девушки. – Вы нам на сегодня назначили. Мы уже столько времени ждем.

– Все переносится на завтра. Все свободны. Можете ехать домой. Визажист и костюмер тоже. Сегодня вы мне не понадобятся. У меня индивидуальная работа до глубокой ночи. Приношу свои извинения за то, что заставил вас ждать. Всем спасибо. До завтра.

– Разочарованные девушки посмотрели на меня ревнивыми взглядами и покинули фотостудию. Дмитрий повел меня в небольшую комнату, напоминавшую кухню.

– Курим, пьем кофе с бутербродами и принимаемся за работу. Вернее, я принимаюсь за работу, а ты не скучай. Погуляй по студии, посмотри журналы, снимки, подыши творческим воздухом...

– А я не курю.

– Тогда я покурю.

Сунув несколько бутербродов в микроволновую печь, Дмитрий разлил кофе по кружкам и придвинул одну из них мне.

– Ты сегодня что-нибудь ела?

– Нет.

– Я тоже. Проспал. И выскочил на работу голодным. Даже кофе не успел попить. Ты Александра давно знаешь?

– Год. Точнее, нет. Я видела его всего раз в жизни, да и то год назад.

– Тем не менее, Саша прав, в тебе что-то есть. Ты давай не стесняйся. Ешь.

Кивнув, я откусила от горячего бутерброда и сделала глоток кофе.

– А для чего мне нужно портфолио? Без него меня не возьмут в модельное агентство?

– Тебе нужно не просто портфолио. Тебе нужно профессиональное и качественное портфолио. Именно от него зависит судьба любой модели. Это очень важно, пойми. У Саши очень хорошие связи. Самое главное в модельном бизнесе – связи. Если их нет, можно долгое время быть на вторых ролях и до конца своей жизни ждать звездного часа. Именно так, плачевно, выглядит судьба многих твоих ровесниц. Все время они только и делают, что ходят по московским модельным агентствам, предлагают себя и ждут какого-нибудь контракта. Но никто его им не предлагает. Все, на что они могут рассчитывать, – это редкие копеечные показы мод и участие в какой-нибудь выставке. А самое главное, что лед никогда не тронется и дальше этого дело никогда не пойдет. Их мечты занять высокое положение в мире моды быстро исчезают. Будем надеяться, что тебе повезет. У Александра

в самом деле очень хорошие связи.

– А какое отношение он имеет к модельному бизнесу? – осторожно поинтересовалась я.

– Для того, чтобы иметь связи в модельном бизнесе, не обязательно иметь к нему отношение. Кстати, а ты где остановилась?

– В коммунальной квартире.

– Ну и как тебе коммунальная квартира?

– Ой, я даже не знаю. Там горячая вода есть...

Дмитрий рассмеялся и закурил.

– А там, откуда ты приехала, не было горячей воды?

– Не было. Какая там горячая вода?! Там и с холодной-то напряженка.

– Сейчас я угадаю, что ты сделала первым делом когда приехала в столицу. Первым делом ты набрала ванну горячей воды и в нее залезла.

– Все правильно, именно так я и сделала.

– А в Москве уже успела с кем-нибудь подружиться?

– Только с соседкой. Кстати, можно я ей позвоню, а то она за меня переживает.

– Позвони. Только не рассчитывай, что ты рано вернешься домой. Работа над твоими фотографиями может продлиться до глубокой ночи. Я пообещал Александру сделать очень хорошее портфолио, и я его сделаю. Я должен сделать так, чтобы люди тут же захотели предложить тебе участие в каком-либо проекте, в показе моделей, а в лучшем случае – за-

ключить с тобой контракт на работу за границей. Хотя, знаешь, кому как повезет. Иногда я сделаю очень хорошее портфолио, девушка выглядит так, что до ее славы и известности кажется остается два шага, а никаких приглашений затем не следует. Вообще никаких. Так что связи в модельном бизнесе – это главное. Я уже тебе говорил. Ладно, мне пора работать.

Дмитрий затушил сигарету и встал.

– А ты не скучай. Займись чем-нибудь. В здании никого нет. Я всех отправил, чтобы никто не мешал, так что можешь чувствовать себя спокойно.

– Можно я позвоню? – спросила я еще раз.

– Я же сказал, звони.

Как только Дмитрий ушел в лабораторию, я набрала номер своей коммунальной квартиры. Как я и думала, трубку сразу же сняла Галина.

– Галина, привет. Это Анжела.

– О, будущая мисс мира, привет. А я только о тебе думала.

Ну, как твои дела?

– Сейчас мне делают портфолио. Александр уехал по делам, а я сижу в мастерской одного известного фотографа, дышу творческим воздухом.

– Значит, пока все идет строго по плану.

– Пока да.

– А ты уже рассчиталась с Александром за портфолио?

– В смысле?

– В прямом смысле! Ты ему отдала свое тело?

– Нет. Ничего я ему не отдавала, – замотал я головой.

– Молодец. Сначала результат, а затем расчет. Просто некоторые мужики берут предоплату... Он что, даже не приставал?

– Приставал. Я дала ему пощечину.

– Молодец! Я надеюсь, он не дал тебе сдачи.

– Нет.

– Молодец. Ладно, а ты когда дома-то будешь?

– Даже не знаю. Возможно работа над фотографиями зайнется до глубокой ночи.

– Я тоже поздно приеду. У меня свидание. Так что давай договоримся, если ты придешь позже меня, и я уже буду спать, ты обязательно меня разбуди. Если приду позже я, то я в любом случае подниму тебя с кровати. По рукам?!

– По рукам.

Положив трубку, я долгое время бродила по помещению, обследовала все его комнаты и, не выдержав, на цыпочках пробралась в фотолабораторию. Некоторые мои снимки уже были готовы. Они сушились на совсем тонкой веревке и были обращены ко мне лицом. Готовые фотографии меня поразили, я никак не могла поверить, что это я. Совершенно чужое, холодное, равнодушное лицо... Чужие, зовущие глаза, ждущие порции секса... Совершенно чужой силуэт фигуры, чужие растрепавшиеся на ветру волосы.

Заметив меня, довольно усталый фотограф вытер пот с

лба и обнадеживающе проговорил:

– Есть снимки очень даже ничего. Хоть на конкурс фотографий! В твоих фотографиях что-то есть. Если Александр постарается, он тебя обязательно куда-нибудь продвинет. Понимаешь, я каждый день делаю по черт знает сколько снимков и взглядом профессионала вижу, можно слепить из той девушки, которую я фотографирую, какой-нибудь образ или нет. Так вот, я тебе прямо заявляю, из тебя можно смело лепить все. Не задумываясь.

– Зачем из меня что-то лепить? – не сразу поняла я Дмитрия.

– Любая модель – это, как правило, полуфабрикат, из которого нужно лепить определенный образ. Модель, как актриса. Она должна всегда быть разной и беспрекословно слушаться своего фотографа. Она должна ему доверять. Без доверия не бывает работы. Тебя обязательно должны заметить. Посмотри на тот снимок, у тебя просто совершенные формы! Только не вздумай худеть. Ты должна оставить все, как есть. И, пожалуйста, никогда не злоупотребляй краской для лица.

– Чем?

– Извини, я просто неправильно выразился. Никогда не злоупотребляй косметикой. У тебя и без нее хорошее лицо. Придет время, и с тобой будут работать лучшие визажисты, стилисты. В общем, целая куча народа. Знаешь, как это здорово, когда к твоей персоне приковано столько внима-

ния! Только все зависит от связей. Приложи все усилия, чтобы Александр по-настоящему постарался. Заинтересуй его чем-нибудь. Ты уже взрослая девочка и не мне тебя учить, чем умная женщина может заинтересовать далеко не глупого мужчину. Понимаешь, в любую модель вкладывают деньги. Так вот, нужно заинтересовать человека, чтобы он их вложил. Ему нужно внушить, что придет время, и эти деньги окупятся с лихвой.

– Ой, ты мне столько всего сказал. Мне страшно.

Не бойся. Не Боги горшки обжигают. В конце концов в тебе есть изюминка, и ее не увидит только дурак. Ладно, не мешай мне. У меня еще полно работы.

Из лаборатории я пошла в комнату, которая, по всей вероятности, считалась студией. Стены и потолок были выкрашены в белый цвет, а в углах стояли юпитеры. Я села рядом со столом, заваленным аппаратурой, и принялась рассматривать дамские журналы...

Глава 4

Время шло медленно, а я по-прежнему сидела в комнате студии, листала журналы и украдкой посматривала на часы. «Работа может затянуться до глубокой ночи», – звучали у меня в голове слова Дмитрия. Неожиданно появился Александр. Отдышавшись, он показал пальцем в сторону лаборатории.

– Ну что, работа кипит?!

– Кипит, – кивнула я и встала.

– Ты результат видела?

– Немного.

– Короче говоря, до окончательно результата еще далеко.

Я правильно просек твою мысль?

– Не знаю... Я не думала, что это так долго.

– А быстро только знаешь, где бывает?

– Где?

– Ладно. Подрастешь, потом скажу.

Зайдя в лабораторию, Александр не пробыл там даже минуты. Он был немного расстроен и закурил сигарету.

– Димка меня выгнал. Сказал, что работа в самом разгаре.

Ему еще часа три надо.

– Сколько? – не поверила я своим ушам.

– Часа три.

Я посмотрела на Александра потерянными глазами, а по-

том оставилась в темное окно.

– Обалдеть. Наверное мне придется здесь ночевать. Интересно, тут хоть есть раскладушка?

– Я думаю, до ночевки не дойдет. Хотя это процесс долгий. Я тебе сразу об этом сказал.

– Уже совсем темно.

– Вижу. А я здесь, недалеко, по делам был. Думаю, заеду, вдруг все уже закончилось, и я увижу лицо счастливой женщины, которая держит самые красивые фотографии в своей жизни. Послушай, ты, наверное, голодная. Есть хочешь?

– Дмитрий меня бутербродами кормил.

– Разве наешься бутербродами! Давай нормально поужинаем. Мне нужно на одну стрелку съездить. Там недалеко есть неплохой ресторанчик. Поужинаем и вернемся. Мы же должны дождаться окончательного результата.

– Ты приглашаешь меня на ужин?

– Ну да. Я же тебе говорю, что у меня стрелка на МКАДе. Там круглосуточный ресторан, где неплохой шашлык. Ты, случайно, не вегетарианка?

– Нет. Я без мяса жить не могу.

– Молодец. Почти, как я. Я тоже мясная душа.

Всю дорогу, пока ехали до ресторана, мы молчали, хотя я не могла не заметить, что Саша нервничает. Возможно, это было связано с его собственными проблемами, а может быть и с моими... Может быть он уже тысячу раз пожалел о том, что собрался слепить из меня модель, ведь наше совместное

времяпрепровождение не принесло ему ничего приятного. Не выдержав, я посмотрела на него своими большими раскосыми глазами и еле слышно спросила:

– Саш, у тебя, что-то случилось? – С чего ты взяла?

– Мне показалось...

– Даже если и случилось, то это тебя совершенно не касается.

– Правда?

– Что правда?

– Что это никак не связано с мной?

– А почему ты так подумала?

– Мне показалось...

– Что тебе показалось? – Александр нахмурился.

– Мне показалось, что я тебе как нагрузка. Отнимаю у тебя столько времени. Может, тебе нужно домой? Наверное дома жена ждет... Я знаю, я плохо позировала. Снимки получатся просто ужасные, и ты поймешь, что потерял со мной столько времени...

Во-первых, я никогда не трачу времени впустую. Если я с тобой, значит это уже не потерянное время. Значит мне это нужно. Во-вторых, я не женат. Я уж там побывал, и с меня довольно. Так что с некоторых пор я убежденный холостяк. Сам не завожу семью и другим не советую. Слово «брак» не вызывает у меня ничего, кроме раздражения, конечно. В-третьих, ты позировала очень даже неплохо, и если Дмитрий настолько увлекся своей работой, это говорит о том, что игра

стоит свеч. Он что-то в тебе нашел и пытается отобразить это на фотографиях. Дмитрий никогда не будет делать работу, если до конца не уверен в положительном результате. И в четвертых, когда кажется, надо креститься. Думаю, я достаточно хорошо все обосновал.

Остановившись у придорожного ресторана, Александр посадил меня за уютный столик, сделал заказ и удалился. Мне принесли бокал красного вина. Я сделала несколько глотков и почувствовала себя значительно лучше. Мне даже показалось, что все, что сейчас со мной происходит, это сон, в котором я пребываю с того самого момента, когда ступила на Московскую землю. Фотомастерская... Известный фотограф – утомительные съемки... Александр, словно принц из сказки, который нашел меня для того, чтобы сделать известной, богатой и счастливой. Разве так бывает, – думала я, медленно потягивая вино. Так не бывает... И, тем не менее, все это происходит со мной. Сейчас я не сплю и пребываю в здравом уме. Я могу себя ущипнуть и почувствую боль, а если я чувствую боль, значит все, что происходит со мной сейчас ни что иное, как самая настоящая реальность. Я нахожусь в Московском ресторане, потягиваю вино и жду, когда закончится работа над моим портфолио.

– О, да ты уже вовсю вином расслабляешься! – Заметно повеселевший Александр сел напротив меня и с довольным видом потер руки.

К столу подошла официантка и принесла массивную та-

релку с аппетитно пахнущим шашлыком. Александр взглянул на женщину, неожиданно встал, положил свою руку ей на плечо, а затем опустил прямо до ягодиц. Я опустила глаза, покраснела, как вареный рак, и в буквальном смысле слова заерзала на стуле.

– Здравствуй, Виктория, – услышала я. – А я и не знал, что ты еще здесь работаешь.

– А куда я пойду? – вздохнула официантка. – Тут платить стали неплохо.

– Надо же! Я тысячу лет тебя не видел, хотя иногда сюда заезжал.

– Наверное просто не попадал в мою смену.

– А живешь там же?

– Там же.

– Ну ладно. Заскочу как-нибудь.

– Заскакивай как-нибудь.

Девушка направилась в сторону кухни, а Александр вернулся на свое место.

– Кто бы мог подумать, что я здесь старую знакомую встречу. Может и в правду говорят, что Москва – большая деревня. Тут ни от кого не укроешься и постоянно кого-то встречаешь.

– Приятная девушка. – Я и сама не поняла, что именно происходило со мной в данный момент. То ли я просто приревновала Александра к незнакомой девушке, то ли посчитала за неуважение по отношению ко мне, что он так откоро-

венно положил руку на чужую задницу, совершенно не думая о том, что я все вижу и слышу и это мне, мягко говоря, может быть очень даже неприятно.

– Да, есть в ней что-то...

– Ты хочешь сказать, что в ней есть какая-то изюминка?

– Я хочу сказать, что в кое-каких вещах она настоящая мастерица. Таковую захочешь не забудешь. Слишком много приятных воспоминаний.

– Тогда почему ты не сделал из нее известную модель? – спросила я все тем же ревнивым голосом.

– Потому что я этим не занимаюсь. Если я решил тебе помочь, то это не означает, что я помогаю всем девушкам. Я не благотворительная служба. Если из нее получилась хорошая официантка, это не значит, что получилась бы хорошая модель.

– Но ты же сказал, что она искусная мастерица...

– Сказал. В постели ей и в самом деле нет равных. По крайней мере я не встречал...

– Оставь, пожалуйста, свои постельные похождения при себе, – резко перебила я Александра и допила свое вино до самого дна.

Александр рассмеялся, взял меня за руку и посмотрел мне в глаза.

– Анжелка, ты что, ревнуешь, что ли?

– Вот еще...

– А мне кажется, что ревнуешь.

– В том-то и дело, что тебе кажется.

Поужинав, Александр еще на несколько минут задержался около своей старой знакомой, не забывая при этом поглаживать ее по округлым ягодицам. Девушка заметно смущалась и чувствовала определенную неловкость – ведь Александр приехал в ресторан не один. Устав ловить на себе испуганные взгляды девушки и посчитав свое присутствие лишним, я вышла на улицу и встала у машины.

– Послушай, а ты чего убежала? – Александр выскочил следом за мной и быстро открыл дверь машины.

– Я не убежала. Я ушла.

– Тогда почему ты ушла?

– Потому, что ужин уже окончился и потому, что у меня нет никакого желания смотреть, как ты откровенно любезничаешь с другой девушкой. Да и не только любезничаешь.

– Еще говоришь, что не ревнуешь! Александр завел мотор. Я не смогла удержаться, чтобы не высказать свое несогласие.

– Я не ревновала. Просто мне было неприятно. Мне показалось, что ты меня унизил, что ли... Я понимаю, между нами ничего нет. Но это как-то некрасиво...

– А может это и в самом деле произошло оттого, что у нас с тобой ничего нет.

Александр наклонился ко мне совсем близко и поцеловал прямо в губы. Я не дала ему пощечину, не отклонилась и уж тем более не начала на него кричать. Я сидела, словно ста-

туя, и боялась пошевелиться. «У Александра большие связи. Будь с ним поласковее. Он реально может тебе помочь. Заинтересуй его чем-нибудь. Ты же знаешь, чем умная женщина может заинтересовать неглупого мужчину», – прозвучали у меня в голове слова Димы.

Отъехав от ресторана на приличное расстояние, мы оба услышали как в машине что-то застучало. Александр резко затормозил. Испуганно посмотрев по сторонам я с ужасом отметила, что в неприятной темноте не видно ни огонька – никакого жилья.

– Саш, что случилось? Почему мы встали? – осторожно спросила я.

– Если не ошибаюсь, у нас проколело колесо. – Он обреченно развел руками и вышел из машины.

Я выскочила следом за ним и тоже принялась рассматривать злосчастное колесо. Оно было не просто спущено. Его «зажевало» в полном смысле этого слова. Покосившись в сторону темного леса, я съезжилась.

– Саш, а у тебя запасное колесо есть?

– В том-то и дело, что нет. Если бы было... Я химчистку в машине делал и колесо, как на зло, выложил. Хотел обратно положить и забыл. Попробовать накачать, что ли... Насос у меня есть. Только вряд ли что получится. Видишь, как «зажевало».

– А ты попробуй.

– Конечно, попробую. Не ночевать же здесь.

– А если не получится?

– Если не получится, будем мозговать дальше.

Около пятнадцати минут Александр возился с колесом в надежде привести его в рабочее состояние. Я расхаживала взад и вперед и думала о той девушке из ресторана, о свободных отношениях, которые навязывал такой тяжелый и жестокий город Москва.

– Саш, ну что, получается?

Александр встал, пнул насос ногой и раздраженно сказал:

– Ни хрена не получается, блин, и где ж мы его прокололи?

Все ж нормально было. Похоже, у ресторана.

– У ресторана?

– Ну да!. Мы ж не так далеко отъехали. Видимо, какой-то гад решил преподнести нам сюрприз. Какой-нибудь Викин крендель. Увидел, что я ее трогаю за самые интимные места и решил меня наказать. Только по-козлячьи как-то он меня наказал. Если бы он мне сейчас под руку попал, я бы его, ей Богу, убил. А может я ошибаюсь.

– Конечно, ошибаешься.

– С чего ты так решила?

– С того, что незачем Викиному кренделю тебе колеса спускать. Представь, что если бы оно у ресторана спустило, тогда бы ты ее дальше за интимные места держал. А того глядишь и ночевать остался. Если такой крендель действительно в наличии имеется, то он бы просто этого не пережил.

– В том-то и дело, что он мне его так технично проколол,

чтобы оно долго спускало, и я бы смог отъехать на приличное расстояние. Расчетливый гад.

Александр подошел ко мне совсем близко и уткнувшись в мою шею тяжело задышал.

– Послушай, сегодня вечер какой-то непонятный. Все вроде против нас. Странно складываются обстоятельства. Очень даже странно... А там, в ресторане, ты очень даже сильно меня ревновала.

– Глупости.

– А мне кажется, что это не глупости... Знаешь, а я бы хотел, чтобы ты меня ревновала. Я бы очень этого хотел.

– Почему?

– Потому, что ты особенная. Когда я увидел тебя в первый раз, я сразу понял, что ты особенная. Я говорю вполне серьезно. В Москве слишком много швали. Не разменивайся на всякую шелуху. Будь со мной. Будь с мной, и я сделаю все для того, чтобы твоя мечта осуществилась.

– Как это – быть с тобой?

– Просто будь со мной. Все остальное я беру на себя. Ангел, я хочу тебя...

– Что?

– Я хочу тебя...

– Прямо сейчас?

– А почему бы и нет! В конце концов, нас подтолкнули к этому обстоятельства. Если у нас спустило колесо, значит это какой-то знак...

– Ты хочешь сказать, что спущенное колесо – верный путь к интиму?

– А почему бы и нет...

– Но ведь колесо нужно делать...

– Не переживай. Мы его обязательно сделаем. Не будем же мы здесь ночевать. Я позвоню в техпомощь на дорогах и сюда приедут.

– Так звони.

– Позвоню, только немного позже.

– Почему?

– Потому, что я уже давно хочу тебя.

– Прямо здесь?! – У меня закружилась голова и меня слегка затрясло.

– Прямо здесь и прямо сейчас. Ты даже не представляешь, как сильно ты хороша... Как же ты хороша...

Расстегнув мою обтягивающую джинсовую блузку, Саша поцеловал мою грудь и прошептал:

– Ты еще прекраснее, чем я ожидал.

Когда Саша расстегивал молнию на моих брюках и поглаживал мой живот, я закрыла глаза и вдруг вспомнила слова отца, который с презрением относился к моей красоте и всегда называл меня шлюхой. Он говорил, что в Москве я обязательно пойду по рукам. Наверное отец был прав. Я пошла по рукам. Я в руках Александра... Посадив меня на капот «Мерседеса», Александр стянул с меня брюки и задрал вверх мои ноги.

– Нет, – прошептала я, но не оказала при этом сопротивления.

– Да, – настоял Александр и развел мои ноги пошире. – Да... Да... Ты же сама этого хочешь. Я знаю, ты хочешь этого сама.

Я блаженно улыбнулась и посмотрела на довольно красивое накаченное тело Александра., Красивые плечи, поистине красивая мужская грудь... и даже такое красивое родимое пятно, расположенное на таком необычном месте, как правый сосок... Довольно редкое родимое пятно, словно этот человек – меченный, а если этот человек меченный, то, бесспорно, он особенный.

– У тебя такое необычное родимое пятно, прямо на соске...

– Тебе не нравится?

– Мне все в тебе нравится... Буквально все...

«Ты же знаешь, чем умная женщина может привлечь неглупого мужчину», звучали у меня в голове слова Дмитрия.

Я закрыла глаза и в который раз подумала, что отец прав. Еще совсем недавно я представляла себя принцессой, а сама стала шлюхой. Обыкновенной шлюхой, которую имеют прямо на капоте «Мерседеса». И все же... Все же я женщина, а это значит, что я не могла не почувствовать ту страсть, которая охватила все мое тело... Саша – мужчина, значит, ему свойственны слабости мужского пола. А ведь там, где у муж-

чины появляются слабости, у женщины появляется сила, и эта сила подчиняет себе мужские слабости.

Я с самого раннего детства слышала о том, что миром правят мужчины, что все в их руках. У мужчин есть все для того, чтобы быть хозяевами жизни. У них есть деньги, сила и конечно же власть. Все высокие посты всегда занимают мужчины. Мужчины правят миром, а женщины правят мужчинами. Что ж, неплохую аксиому я вывела. У женщин есть красота, сексуальность и хитрость... С таким арсеналом, конечно же, не сможешь управлять миром, но с таким арсеналом можно запросто управлять мужчинами. Я не могу добиться власти над миром, но я могу добиться власти над мужчинами или хотя бы над одним из них. Я постараюсь, и я уверена, что у меня это получится. Если я буду умной и изучу все мужские слабости, то хотя бы несколько мужчин у меня будут в кармане. Я буду тщательно собирать эти слабости и обрету силу, а если у меня будет сила, то у меня обязательно будет власть...

У меня будет власть над мужчинами, а если у меня будет власть над мужчинами, то у меня будет власть над миром...

Улыбнувшись, я задвигалась в такт Александру и замерла только тогда, когда мы оба получили мощную, ни с чем несравнимую разрядку. Я усвоила одну хорошую истину. Можно быть скупой в чем угодно, но только не в сексе. Излишняя сексуальная щедрость поможет навсегда привязать к себе мужчину. Когда все закончилось, Александр почув-

ствовал себя самым счастливым человеком на свете и стал буквально распинаться в многочисленных благодарностях. Он смотрел на меня, как на чудо, и выглядел так, будто у него началась новая жизнь.

– Никогда бы не подумал, что ты такая страстная партнерша. Я, наверное, кричал от удовольствия, как резанный.

– Кричал. – Я рассмеялась, слезла с капота машины и принялась натягивать джинсы.

– Может повторим? – никак не хотел успокоиться Александр.

– Может и повторим, но только не сейчас и не здесь. Давай разберемся со спущенным колесом, а то не очень-то приятно сидеть со спущенным колесом у самого леса.

– А мне был очень приятно. Я бы сидел так всю жизнь.

– Я не то имела в виду. Я имела в виду, что ты должен заняться машиной.

– Как скажешь. Слово женщины – закон.

Я улыбнулась и подумала, что именно с этого начинается власть.

Достав из кармана мобильный телефон, Александр отошел в сторону и принялся кому-то звонить.

– Не переживай! – обернулся он. – Сейчас я или техпомощь вызову, или кто-то из друзей приедет, привезет запаску! – громко крикнул он мне и отошел еще на несколько шагов.

Я направилась в сторону небольшого обрыва, чтобы Алек-

сандр мог спокойно поговорить, не обращая на меня внимания. В этот момент позади меня послышался шум незнакомой машины. Я резко остановилась. Не мог же кто-то из Сашиных друзей приехать за такой короткий промежуток времени. Конечно, не мог. Решив вернуться обратно, я сделала несколько шагов в сторону Сашиного «Мерседеса». Рядом с мерсом остановилась иномарка, которая просто слепила своими включенными фарами. Я видела, как из незнакомой машины вышли двое мужчин и направились к Саше. Вернее, я не видела этих мужчин, я видела их силуэты. Окружающая темнота и резкий свет фар сделали свое дело – у меня заслезились глаза.

– Саш, это кто?! – громко крикнула я и направилась к незнакомцам, которые, по всей вероятности, остановились для того, чтобы оказать нам помощь. По крайней мере я думала именно так. Но я здорово ошибалась.

– Анжела! Беги!!! – словно гром сред ясного неба прозвучали слова Александра. – Слышишь, беги!!! Беги, если хочешь жить!!!

Но я не побежала. Я стояла, как вкопанная, и безумными глазами смотрела на происходящее.

Что значит – беги?! Куда?! Зачем?! От кого?! Что значит беги, если хочешь жить?! Неужели, если я не убегу, меня кто-то сможет убить?! Зачем?! По какой причине?! За что?! Получается, что эти двое приехали сюда не для того, чтобы нам помочь... Они приехали сюда, чтобы угнать почти но-

вый, безупречный «Мерседес» и убить его хозяина... Но как я могу оставить Александра и куда-то бежать? Это подло, это ужасно! А как же портфолио?! Как же карьера модели?! Как же красивая, роскошная и счастливая московская жизнь?! Кто мне ее даст? Александр мне ее обещал... Он единственный человек в этой жизни, который пообещал мне то, что я хочу больше всего на свете.

Я понимала, что моя собственная жизнь намного дороже, по крайней мере для меня, это уж точно. Но я не могла бросить на произвол человека, который за короткий промежуток времени стал мне необычайно дорог, которому, вопреки всему, я все же поверила и отдала свою нехитрую судьбу в его знающие мужские руки.

У машины стояли трое. Александр и двое незнакомых мужчин. Внимательно приглядевшись, я увидела, что эти двое были в масках. В самых настоящих черных масках с вырезанными дырочками для глаз, носа и рта. Мужчины в масках стояли к Александру впритык, а один из них держал у его виска пистолет. Закрыв рот ладонью, чтобы не закричать, я прикусила нижнюю губу до крови и с ужасом осознала, что ничем не могу помочь. Что хотят эти люди? Денег? Наверное денег, потому что почти все убийства происходят именно из-за них... Из-за этих проклятых денег. На этот раз я оказалась права. Один из мужчин по-прежнему держал пистолет, а другой вытащил из кармана Саши бумажник и рассматривал его содержимое. Видимо, денег в бумажнике бы-

ло немного, потому что мужчина ударил Александра кулаком по лицу и стал требовать еще денег. Александр что-то невнятно бормотал разбитыми губами, но мужчины не реагировали на его слова и всем своим видом показывали, что с минуты на минуту они будут готовы к более решительным действиям.

– Кот, мочи его, да и все! Что с ним церемониться?! Его бредни выслушивать, только время терять. Делаем мокрую да и сваливаем отсюда.

Услышав последние слова, я окончательно поняла, что жизнь Александра висит на тоненьком волоске и, спрятавшись за высокие кусты, не придумала ничего лучшего, как закричать во все горло:

– Эй, вы!!!! Сюда едет милиция!!! Слышите, я вызвала милицию!!! Она уже совсем рядом! Она будет через несколько секунд! У вас еще есть возможность не сесть за решетку! У вас еще есть небольшой запас времени! Слышите, они приедут через несколько секунд!!! Оставьте Сашу в покое и уезжайте! Вас никто не будет искать!!! Я вам обещаю, вас никто не будет искать!!!

Я орала с такой силой, что у меня заболело горло. Мне показалось, что еще немного, и я оглохну от собственного крика.

– Там девка какая-то орет, – сказал один бандит другому и нажал на курок. Прогремел громкий выстрел, и Александр рухнул на землю. Самое страшное, что выстрел был не един-

ственным. Следом за ним прозвучал следующий. А потом еще... Убрав ладонь ото рта, я истерично закричала и, что было сил, бросилась прочь.

– Клиент готов, – услышала я неприятный мужской голос. – Все. Откинул копыта. Теперь нужно отравить следом за ним девку. Щас я ее найду.

Я и сама не знаю, куда я бежала. Куда глядят глаза. Пала, поднималась и бежала опять... Я бежала в сторону леса, надеясь там укрыться. При этом я кричала: «Помогите!!!», совершенно не понимая, что в лесу мне вряд ли кто-то сможет помочь. Это и являлось моей самой главной ошибкой. Мои преследователи отслеживали мой передвижения по моему крику и не выпускали меня из виду. Когда прозвучал выстрел, я закричала еще громче и поняла, что моя жизнь может оборваться в любую минуту. Сейчас меня убьют точно так же, как убили Александра. Господи, как же это все нелепо! Глупо и нелепо! Умереть только за то, что я стала ненужной свидетельницей страшного преступления. Но ведь по этой причине погибают многие... У меня уже не хватало дыхания, я просто-напросто задыхалась. У меня закололо в правом боку так сильно, что я уже и сама перестала понимать, отчего так громко кричу – от острой пронзительной боли, буквально раздирающей мой бок, или оттого, что мне невыносимо страшно. Конечно, в данной ситуации мне было бы намного разумнее спрятаться и где-нибудь отсидеться, и я понимала, что должна укрыться и переждать пока от-

ступит опасность, но мои ноги отказывались меня слушаться и хотя бы на секунду остановиться. Меня отказывались слушаться не только мои ноги. Мне перестало подчиняться мое тело, моя шея и моя голова. Я понимала, что я должна обернуться, чтобы посмотреть, насколько близко преследователи, оторвалась ли я от них хоть на немного, но моя шея была недвижимой, она не хотела мне подчиниться.

Когда позади меня раздался еще один выстрел, я попыталась заорать еще громче, но из моей груди вырывались только слабые, еле слышные хрипы. Не заметив крутого обрыва, я кубарем покатила вниз, с ужасом ощущая, что мое лицо царапают ветки деревьев, а мое тело бьется об острые камни.

Мне показалось, что я катилась целую вечность... И все же, когда я, наконец, остановилась и смогла поднять голову, я увидела, что мои преследователи в масках стоят на самом краю обрыва и прикидывают, каким образом им удобнее всего спуститься. Значит, у меня еще есть время... Время для того, чтобы убежать, а точнее, для того, чтобы остаться живой.

Морщась от раздирающей боли, я встала и увидела, что нахожусь у самого берега реки. Моим единственным спасением является вода. Уж что-что, а плавала я всегда просто отлично. Скинув уже давно мешавшую обувь, я прыгнула в воду и поплыла к противоположному берегу. Не знаю, откуда у меня взялись силы... Я слышала, как стреляли по воде, мне приходилось нырять, а потом я плыла дальше. Я плыла

и чувствовала, как мне холодно... бог мой, как же мне было холодно! Вода казалась ледяной. Странно, ведь сейчас середина лета. Сейчас середина лета... Я закрыла глаза и подумала, что уже умерла... Я была одна-одинешенька на середине чужой незнакомой реки. Я плыла и дрожала то ли от холода, а то ли от страха, в ушах громко пульсировала кровь. А может это была не кровь, может это был холодный, порывистый ветер...

Чем ближе я приближалась к берегу, тем меньше и меньше я боялась. Закрыв глаза, я начала читать молитву, которой научила меня моя мать и которую она заставляла меня читать, когда я была маленькой девочкой.

Совершенно обессиленная, мокрая и трясущаяся от страха, я вылезла на берег и обхватив колени руками громко заревела. Затем подняла голову и посмотрела на свои окровавленные руки и ободранные колени. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы меня пожалели... Чтобы моя милая, ласковая мамочка прижала меня к себе, успокоила, сказала какие-нибудь утешающие слова, я бы положила голову на ее родные колени и тихонько поплакала. Мама всегда говорила мне, что для того, чтобы все прошло, необходимо по-настоящему выплакаться. По-настоящему прочувствовать свое горе и выплеснуть его наружу... Когда оно полностью уйдет наружу, станет намного легче.

Наплакавшись, я прислушалась. Было совсем тихо. Ни выстрелов, ни этих двоих в масках. Перед глазами встала чу-

довищная картина: безжизненно падающий на землю Александр, его глаза, полные боли и ужаса, его перекошенный рот, словно он хотел закричать... Хотел, но не смог. Я всматривалась в темноту, но пока не замечала никакой опасности. Я не знаю, сколько времени я просидела, но смогла успокоиться, встать и пойти вдоль реки. Каждый шаг давался мне с трудом. Хотелось кричать, звать на помощь, рыдать, закатить самую настоящую истерику оттого, что я совершенно одна, никого нет рядом, а значит, меня никто не выслушает и уж тем более не успокоит. В успокоении я сейчас нуждалась больше всего на свете.

Я шла крайне осторожно, опасаясь все же, что опасность не отступила. Как только я представляла Александра мертвым, мне становилось еще хуже. Если бы он мог предвидеть, что произойдет, он бы обязательно что-то предпринял... Начался дождь, впрочем, он мне особо не помешал, потому что я и без того была мокрая. Дождь смывал грязь с моей одежды, но он не мог смыть слезы с моей души. Эти частые капли... Я переставала понимать, что именно это было – капли дождя или слезы. Смахнув пот тыльной стороной ладони, я глубоко вздохнула и неожиданно для себя сказала вслух:

– Москва слезам не верит. Она вообще ничему не верит, а уж тем более слезам. Господи, какая же она жестокая, эта Москва. Какая же она жестокая... В нашей деревне намного проще... У нас и народ совсем другой. Он добрее, что ли... Точно, он добрее. Наверное для того, чтобы Москва тебе по-

верила, в ней нужно родиться, а я родилась красивой, но черт знает где. В деревне моя красота никому не нужна. Не могу же я свою фигуру на картофельном поле демонстрировать. Да, видимо, и в Москве она не особенно-то пригодилась. И все же я не хочу возвращаться в свою деревню. Не хочу работать на огороде! Не хочу! Не хочу быть похороненной на деревенском кладбище! Не хочу! У нас там у всех одна программа, и она всегда неизменна. Родился, закончил деревенскую школу, устроился на ферму и... умер. Когда умер, тебя похоронят на деревенском кладбище. Живые приходят на это кладбище навестить мертвых, а затем попадают туда сами. И никто из нашей деревни никогда не вырвался из этого замкнутого круга. Никогда. Дома я постоянно крутилась перед зеркалом и думала только об одном – как изменить свою жизнь. Как? Как сделать так, чтобы моя внешность кому-то пригодилась. Как? Я всегда знала, если в меня вложить немного денег, я буду просто неотразимой. Я буду сводить мужчин с ума и строить свою жизнь так, как того требуют правила высшего света. По ночам мне снились странные сны, где я была в роли кинозвезды. Мне всегда хотелось стать личностью. А еще... Еще мне хотелось никогда не умирать. Никогда... Я знала, что у меня есть один редкостный дар – излучать яркий свет и дарить его людям. Я не просто излучаю этот свет, но и охотно делюсь им с окружающими. Я всегда любила мечтать и никогда не боялась, что мои мечты не сбудутся. Никогда. Я не любила разговоры односель-

чан о том, что поселок, в котором я живу, хоть и небольшой, но зато свой, до самой гробовой доски, до последнего вздоха. Мол, деревня маленькая, да удаленькая. Тут все свое, все родное, нет беготни и толчеи. Мне казалось, что наши называют Москву деревней, потому что завидуют. Завидуют тем, кто в ней живет. Живя в своей деревне или в своем поселке (место, где я жила, называли по-разному), я задавала себе один и тот же вопрос: «Что впереди?» и долго не находила ответа. Когда я первый раз в жизни увидела Москву, мне показалось, что это мой город, что я с ним обязательно справлюсь и буду жить в нем, как рыба в воде. Когда я ступила на Московский перрон в первый раз, у меня в глубине души было ощущение, что передо мной открылись двери волшебного замка, в котором лежат бесценные сокровища. До них рукой подать, нужно только дотянуться. Я знала, что все мои мечты сбудутся, превратятся в реальность. Что мои деревенские одноклассники будут с гордостью называть мою фамилию, гордиться тем, что когда-то учились со мной в одном классе. И даже когда я умру, церковь безоговорочно причислит меня к лику святых и перед моим изображением будут обязательно зажигать свечу. Да, это поистине сложно – родиться принцессой на деревенской земле. Господи, как же это сложно... На деревенской земле рождаются крестьяне, которые любят эту самую землю, тщательно ее обрабатывают и с огромным удовольствием пожинают плоды. Как же тяжело родиться на этой земле принцессой, которая не умеет на ней

работать, не хочет и, самое главное, никогда не сможет себя заставить, потому что принцессы любят делать только то, что им хочется и никогда не возьмутся за то, к чему не лежит их душа. Как тяжело жить с крестьянами, делить с ними быт и вести беседы, когда в тебе течет королевская кровь. Как же это тяжело. Я не ожидала, что Москва настолько жестокая. Господи, какая же она жестокая, эта Москва... А приезжих-то она как не любит! Она просто ненавидит приезжих. Вот и приезжай после этого в Москву... Вот и приезжай...

Замолчав, я поняла, что разговариваю сама с собой. Наверное я просто сошла с ума. Конечно, такое увидеть... На моем месте сошла бы с ума любая девушка.

...Неожиданно я услышала чьи-то голоса. Я напрягла слух. Где-то совсем близко разговаривали люди. Где-то там, за стеной ближайших деревьев. Я всхлипнула, отчаянно смахнула слезы и пошла к людям...

Глава 5

Пробравшись между деревьями, я вышла на просторную поляну и увидела несколько незнакомых машин. В свете фар о чем-то оживленно беседовали мужчины. Вернее, они не просто беседовали. Разговор шел на повышенных тонах. Это было похоже на какую-то «стрелку», сходку, которую устраивают подальше от человеческих глаз. Река, лес, удаленность от жилья... Они чувствовали себя свободно, не таились, не оглядывались по сторонам, похоже, при необходимости готовы были достать оружие. Впервые за последнее время у меня сработал здравый рассудок, и я притаилась за деревом. Выходить на поляну и просить у незнакомых мужчин помощи слишком рискованно. Сначала надо понять, кто эти люди и для чего они здесь собрались.

По-прежнему шел дождь. Странно, но я к нему уже привыкла. Мокрый облегающий джинсовый костюм стягивал мою фигуру, словно тугой корсет. Мокрые спутанные волосы лезли в глаза. А еще кровь, сочившаяся из ран. Кровь, перемешанная с дождем...

– Все, мужики, по-моему пора разбежаться, – сказал тот, что стоял у довольно дорого джипа. – Дело сделано. Я думаю, НИ у кого нет претензий.

Андрей должен считаться пропавшим без вести. Никто и никогда не должен знать о том, что он мертв. Если всплывет

его смерть, мы все попадем в жуткую ловушку. Мы лишимся того, что имеем. Конечно, жалко, что мы не можем похоронить его по-человечески. Так сложились обстоятельства, и мы ничего не можем изменить. Конечно, мы могли купить место на кладбище и похоронить его под другим именем, но на любом кладбище так много любопытных глаз... Мы будем его навещать здесь. И никаких памятников. Лишние подозрения нам ни к чему. Каждый из нас может найти это место с закрытыми глазами. Мы его чувствуем... Чувствуем тот свет, который пробивается из земли там, где захоронен Андрей.

Мужчина встал на колени и припал губами к земле. Поцеловав ее несколько раз, он встал и даже не отряхнул брюки. Его примеру последовали остальные.

– Яков, а что решим по поводу родственников? – спросил тот, что встал с колен последним.

Как договорились. Для родственников он будет тоже пропавшим без вести, – ответил Яков. – Жена, дети, мать, теща – пусть все остаются в неведении. О смерти Андрея знаем только мы пятеро, и в этой тайне никогда не будет шестого. Предлагаю посадить на месте захоронения Андрея пять елочек. Посадим плотным кольцом. Это будет хороший знак того, что мы, пятеро его близких друзей, всегда о нем помним, любим его и по-мужски скорбим. Только давайте побыстрее, мы и так уже промокли до нитки.

Мужчины достали лопаты, а я вытерла пот со лба и поста-

ралась сдерживать захлестнувшие меня эмоции. В моей ситуации лучше всего быть ниже травы, тише воды, не подавать никаких признаков жизни, потому что это совсем не те люди, которые могут помочь. Свидетельницей одного преступления я уже была со всеми вытекающими отсюда последствиями. Теперь я стала свидетельницей каких-то загадочных похорон человека по имени Андрей. Получается, что я вновь ненужный свидетель, а ненужных свидетелей, как правило, убирают. Все это я хорошо понимала и, несмотря на паническое чувство страха, могла оценить ситуацию именно так, как она того заслуживала. И в тоже время я понимала, что совершенно не знаю, где нахожусь и как мне выбраться к людям. Перспектива остаться в лесу одной вселяла в меня дикий ужас, чувство полной безысходности бросало в озноб.

Пока мужчины сажали деревья, я не сводила глаз со стоящего неподалеку джипа, принадлежавшего Якову, и пыталась рассмотреть, есть там кто-нибудь или нет. Передняя дверь была открыта. Когда практически все мужчины оказались ко мне спиной, я метнулась вперед, пулей влетела в джип, перелезла на заднее сиденье и притаилась.

Я не знала, что меня ждет дальше. Ясно было одно – джип обязательно привезет меня к людям, и я должна выбраться из него незамеченной. Точно так же, как я в него забралась. Буквально вжавшись в кожаное кресло, я старалась не дышать. Мне было страшно. И именно в этот момент я с особой теплотой подумала о своем поселке и о той спокойной жиз-

ни, которой я в нем жила. Вспомнилась соседка Варвара. Мы жили в соседних домах и выросли в одном дворе. Она раньше меня уехала покорять Москву, но вернулась ровно через два месяца. Вернулась совсем другим человеком. Из тихой, милой, доброй девушки за небольшой промежуток времени она превратилась черт знает в кого. Сломанная, нервная, озлобленная, она не желала ни с кем обсуждать свою несостоявшуюся жизнь. Но самое ужасное – ей казалось, что теперь, всю жизнь на ней будет клеймо неудачницы, хотя в общем-то, по большому счету, деревенским было совершенно наплевать, куда и зачем она ездила. Варвара пришла проводить меня, когда я уезжала в Москву. Я стояла с дорожной сумкой, слушала наставления наших деревенских и ждала автобуса. Варвара стояла рядом и беспрестанно курила. Я чувствовала, что она хочет мне что-то сказать, но она молчала. Она просто курила. Она очень нервничала, и сигарета то и дело падала у нее из рук. Она тушила ее ногой и доставала из пачки очередную...

Очнувшись от воспоминаний, я сжала кулаки так, что руки пронзила страшная боль. Надо ждать... Ждать, когда мужчины наконец разойдутся и сядут в свои машины. Оказалось, что ждать пришлось совсем недолго. Не прошло и нескольких минут, как мужчины распрощались и разошлись по своим машинам. Машин ровно пять, мужчин пятеро. Значит, я просчитала все правильно. В джип, в который я забралась, больше никто не сядет.

Я молила бога только об одном – чтобы случайно не чихнуть, не застонать от боли и панического страха. Яков помахал рукой товарищам, завел мотор и посмотрел в зеркало заднего вида. Я буквально вжалась в кресло и ощутила, что просто облилась холодным потом. Когда машина, наконец, тронулась, я уткнулась носом в кресло и принялась мечтать. Да, как ни странно, но даже в этой чудовищной ситуации я принялась мечтать, потому что мечтать я могла везде и сколько угодно. Я мечтала о том, что Яков, выбравшись из этого страшного леса, поедет не в какой-нибудь загородный коттедж, в котором он проживает с семьей, а направится к самому центру города и там вольется в сумасшедший поток уличного движения. В конце концов город не лес, в городе не так страшно. По крайней мере я смогу закричать, выскочить на любом светофоре прямо посреди шумного проспекта и побежать туда, где толпится народ, бросится на шею первому встречному, выплакаться, рассказать ему о том, что со мною произошло. Хорошо бы выскочить из машины где-нибудь у вокзала, потому что у вокзала всегда толпится народ: одни рвутся в город, а другие, наоборот, спешат побыстрее из него выбраться. Ни привокзальная сутолока, ни радость людей от долгожданных встреч, ни слезы от чересчур тяжелых расставаний не помешали бы мне найти плечо, на котором бы я смогла выплакаться.

«Только бы этот гребаный Яков ехал в город, – как заклинание твердила я про себя. – Только бы он поехал в город».

Я уже и сама не понимала, какие чувства вызывал у меня город, в который я приехала. Еще совсем недавно мне казалось, что мое место здесь, и я смогу жить только в Москве. До недавнего времени мне нравилось в ней буквально все, я испытывала пьянящую радость, любуясь ее сказочной красотой, жадно впитывала звуки огромной разношерстной толпы и будоражащий ритм. Мне даже казалось, что у меня есть какое-то родство с этим городом. Словно мы одной крови... Просто судьба закинула меня в глухую, бесперспективную деревню. Но есть же такое понятие, как зов крови. Вот я и приехала в Москву. Что-то меня звало, что-то сработало внутри. Я приехала, чтобы завоевать этот город. А потом я встретила Александра, пообещавшего сделать из меня известную модель. Это была судьба, вернее, шанс, который дала мне судьба. Не использовать его было бы по меньшей мере глупо. Я помню, как я растерялась, когда лицом к лицу столкнулась с городом, о котором грезилась с самого раннего детства. Помню, я встала посреди шумной площади и... поняла, что мне просто некуда идти. В кармане – только адрес дальних знакомых. Я смотрела на эти большие многоэтажные дома, как зачарованная. Город казался мне просто волшебным. «Господи, как же ты красива, Москва... Как ты красива...» – шептала я и смотрела по сторонам восхищенным взглядом. А когда я села в автобус и стала проезжать мимо различных ресторанов, казино и красивых реклам ночных клубов, я смахнула слезы и подумала: «Именно такое

королевство достойно настоящей принцессы. Проще говоря, оно достойно меня. А я... Я всегда была принцессой и всегда чувствовала в себе королевскую кровь. Даже помогая матери на ферме... Даже стоя за прилавком опостылевшего деревенского магазина. Я всегда знала, что это не мое, что это случайно. Что это просто нелепое недоразумение, глупая ошибка судьбы, неразбериха и какая-то путаница. Я никогда не танцевала на местной дискотеке и никогда не ходила в местный кинотеатр, потому что всегда знала – меня ждут яркие огни настоящих дорогих увеселительных заведений.

Как же быстро все изменилось. Как же быстро... Я боялась не только московских заведений, я боялась и самой Москвы. Здесь могут запросто убить человека только за то, что он далеко не бедный и у него есть «Мерседес» последней модели. Тут могут запросто похоронить лучшего друга ни где-нибудь на кладбище, а прямо посреди леса и держать родных в неведении по поводу его судьбы. А еще тут живут страшные люди, у которых есть такие же страшные деньги, и живут они по очень страшным правилам. Прямо как отрывок из сказки, которой дети по ночам пугают друг друга. «... В страшном, страшном городе стояли страшные, страшные здания, а в этих страшных, страшных зданиях жили страшные, страшные люди. Страшными, страшными ночами эти страшные, страшные люди делали страшные, страшные дела, от которых жизнь в этом страшном, страшном городе, становилась еще страшнее.» Наверное эта страшная сказка из

детства была как раз про Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.